

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКА К БУДУЩЕМУ

Тезисы докладов

Всероссийской научно-практической конференции
«Проблемы доказывания и использования
специальных познаний в уголовном судопроизводстве»
Волгоград, 31 октября 2025 г.

Всероссийской научно-практической конференции
«Уголовный процесс: от истока к будущему»
Волгоград, 21 ноября 2025 г.

Волгоград
ВА МВД России
2026

УДК 343.1(082)
ББК 67.410.2я43
У 26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

У 26 **Уголовный** процесс: от истоков к будущему : тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы доказывания и использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве», Волгоград, 31 октября 2025 г. ; Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истока к будущему», Волгоград, 21 ноября 2025 г. / редколлегия : Г. Х. Шаутаева, Л. В. Попова, П. А. Тимченко, М. М. Бондарь. – Волгоград : ВА МВД России, 2026. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows 7 SP1 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 0,7 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 x 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7899-1665-0

Сборник содержит научные труды прошедших на кафедре уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы доказывания и использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве» (31 октября 2025 г.) и Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к будущему» (21 ноября 2025 г.) по вопросам российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики.

Издание представляет интерес для широкого круга читателей: аспирантов и адъюнктов, преподавателей и практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.1(082)
ББК 67.410.2я43

Редакционная коллегия: Г. Х. Шаутаева (председатель), Л. В. Попова (зам. председателя), П. А. Тимченко (отв. секретарь), М. М. Бондарь.

ISBN 978-5-7899-1665-0

© Волгоградская академия МВД России, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ» (31 ОКТЯБРЯ 2025 г.).....	5
Аширбекова Мадина Таукеновна Предмет доказывания при избрании судом заключения под стражу как меры пресечения	5
Вологина Елена Вильгельмовна Показания эксперта как источник доказательств по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.....	9
Глухова Кристина Сергеевна О некоторых мерах процессуального принуждения в системе обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами.....	13
Зайцева Елена Александровна Институт специальных познаний: раздумья о будущем с опорой на прошлое.....	17
Зотова Анна Федоровна К вопросу о соотношении понятий «гласность» и «транспарентность» уголовного судопроизводства	22
Каримова Гульназ Юрисовна Идеологические основы и конституционные ценности уголовно-процессуальной политики	25
Козловский Петр Валерьевич Состязательность как эталон: идеологический миф или правовая цель?	28
Короткова Ксения Андреевна Доказывание на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и способы их решения	32
Кульчарова Альбина Владимировна Актуальные проблемы доказывания по преступлениям в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов.....	35
Потапова Елена Сергеевна Эксперт или специалист: трансформация процессуального статуса	38
Семенкова Евгения Викторовна Использование специальных знаний при осуществлении производства о применении принудительных мер медицинского характера	44
Тимченко Павел Андреевич Процессуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.....	48

РАЗДЕЛ 2. МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К БУДУЩЕМУ» (21 НОЯБРЯ 2025 г.)	52
<i>Аширбекова Мадина Таукеновна</i>	
Приговор суда: презумпция истинности и презумпция надежности	52
<i>Бондарь Мария Михайловна</i>	
Реализация функции уголовного преследования в современных условиях	55
<i>Гаврилов Борис Яковлевич</i>	
Догматизм в уголовно-процессуальном праве как тормоз в совершенствовании законодательства.....	59
<i>Зайцева Елена Александровна</i>	
Возвращение уголовного дела из суда: от истоков к настоящему	66
<i>Зотова Анна Федоровна</i>	
Перспективы развития открытости уголовного судопроизводства России	71
<i>Каримова Гульназ Юрисовна</i>	
Значение традиционных ценностей Российской Федерации как составляющей идеологии уголовного судопроизводства Российской Федерации.....	75
<i>Кульчарова Альбина Владимировна</i>	
Принцип презумпции невиновности как основной гарант защиты прав и свобод личности	78
<i>Латыпов Вадим Сагитьянович</i>	
Уголовно-процессуальная политика и ее роль в формировании национального интереса современной России	81
<i>Попова Людмила Владимировна, Шаутаева Гульнара Хасановна</i>	
К вопросу о соединении и выделении уголовных дел	85
<i>Потапова Елена Сергеевна</i>	
Вопросы трансформации процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства по УПК Р.С.Ф.С.Р. 1922 г.	88
<i>Проваторова Ксения Васильевна</i>	
Становление общих условий судебного разбирательства в уголовно-процессуальном праве России	93
<i>Фельк Алексей Александрович</i>	
Роль прокурора на этапе окончания предварительного следствия: от оценки доказательств к формированию основы судебного разбирательства	99

РАЗДЕЛ 1
МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»
(31 ОКТЯБРЯ 2025 г.)

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, профессор

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПРИ ИЗБРАНИИ СУДОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Уголовный процесс относится к числу правоприменительных юрисдикционных процессов, а это означает, что для применения норм уголовного закона неизбежна потребность в доказывании тех фактических обстоятельств, которые составляют существо обвинения, если речь идет в целом о производстве по уголовному делу на каждой стадии процесса. Понятно, что в этом случае можно говорить об уголовно-правовом споре между стороной обвинения и стороной защиты, который разрешается судом в первой инстанции. Но и о существовании сугубо уголовно-процессуальных споров также можно говорить, поскольку они возникают чаще всего при применении мер процессуального принуждения, в том числе и заключения под стражу. Тут понятно, что вряд ли обвиняемый (подозреваемый) согласен с применением к нему такой меры пресечения, как заключение под стражу. Потому возникает спор между субъектами должностного обвинения и стороной защиты по поводу наличия оснований для ее избрания. Соответственно, и для такого рода уголовно-процессуального спора необходимо определиться с предметом доказывания, который, конечно, не совпадает полностью, да и не может совпадать с кругом обстоятельств, что определен в ст. 73 УПК РФ. Вопрос о предмете доказывания в контексте доказывания наличия оснований для избрания к лицу заключения под стражу как меры пресечения был всегда актуален. И эта актуальность становится ярче в связи с изменениями и дополнениями, введенными в ст. 108 УПК РФ недавним Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ [1].

Надо сказать, что по поводу этих новелл в научном сообществе уже высказаны те или иные суждения, что неслучайно, поскольку в новых и обновленных положениях ст. 108 УПК РФ видится корректировка оснований и условий для применения названной меры пресечения. В частности, можно отметить интересное замечание

о том, что обстоятельства, ранее позиционируемые в законе как элементы основания для избрания данной меры пресечения, трансформировались в условия применения таковой [2, с. 167–168]. Как видится, авторы этого суждения разграничивают основания и условия заключения под стражу, считая, что термин «основание» соотносим с термином «причина» для избрания заключения под стражу, а термин «условие» обозначает обстоятельства, которые «запускают» в действие причину (основания). «Условия сами по себе не могут породить требуемое следствие» [2, с. 167–168].

Соглашаясь с такой трактовкой, тем не менее отметим, что в любом случае по нормам ст. 108 УПК РФ и обстоятельства, составляющие условия, и обстоятельства, понимаемые как основания, дают представление о предмете доказывания при избрании этой меры пресечения судом. Именно обстоятельства предмета доказывания, выражаемые в условиях и основаниях для избрания рассматриваемой меры пресечения, и составляют существо уголовно-процессуального спора между субъектами должностного обвинения и защитой. Между тем практика показывает, что при направлении субъектами должностного обвинения в суд соответствующего ходатайства об избрании этой меры не всегда держится в «фокусе» предмет доказывания, поскольку свои ходатайства сторона обвинения не подкрепляет необходимыми сведениями (доказательствами) [3].

При избрании судом заключения под стражу как меры пресечения юридически значимые для этого обстоятельства (назовем их основаниями или условиями) выражаются в локальном предмете доказывания, предназначенном для разрешения уголовно-процессуального спора путем применения положений ст. 108 УПК РФ. Новеллы, привнесенные Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ в ст. 108 УПК РФ, позволяют утверждать, что в целом основания для избрания заключения под стражу следует рассматривать в единстве обстоятельств уголовно-правового характера (даже если их в науке определяют как условие) с обстоятельствами уголовно-процессуального характера. Собственно такие фактические обстоятельства, будучи определенными в законе, можно рассматривать как юридические факты. Соответственно, юридические факты уголовно-правового характера – это обстоятельства уголовно-правового характера, выражаемые в ст. 108 УПК РФ через указание на категорию преступления или конкретный состав преступления, при вменении которого лицу может быть применена рассматриваемая мера пресечения. Юридические факты уголовно-процессуального характера – это условия, при наличии которых данная мера пресечения, как и иная другая, считается избранной обоснованно (ч. 1 ст. 97, п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Объединение таких юридических фактов в один фактический состав означает, что должна быть их неразрывная совокупность: один без другого не может образовать основание для избрания к лицу заключения под стражу.

При этом обращает на себя внимание то, что сочетание таких обстоятельств в новых и обновленных положениях ст. 108 УПК РФ варьируется, что позволяет говорить о дифференциации оснований как определенных видов «набора» юридических фактов, сведенных в фактический состав с определенной целью, обусловленной складывающейся уголовной политикой: одни направлены на гуманизацию (ч. 1.1, 2, 2.1) другие – на противодействие угрозам национальной безопасности (ч. 1.2).

Однако общее требование в ст. 108 УПК РФ нацеливает правоприменителей применять заключение под стражу обоснованно, что предполагает доказывание наличия и оснований и условий для ее применения. Потому законодатель сохранил требование о том, чтобы в решении суда были указаны фактические обстоятельства, образующие основание для применения этой меры, и напомнил, что таковые обстоятельства должны подтверждаться только проверенными данными – результатами оперативно-разыскной деятельности, что, впрочем, относится и к остальным видам доказательств.

Фокус на предмет доказывания и доказательства видится также в обновленной ч. 1.1 и новой ч. 3.1 рассматриваемой статьи. Так, положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ при вменении обвиняемым из числа субъектов предпринимательской деятельности преступлений, условно говоря, «льготного» списка сокращают круг обстоятельств уголовно-процессуального характера как условий применения рассматриваемой меры пресечения. Словом, ее применять нельзя, если вмененное такому субъекту преступление связано с осуществлением им предпринимательской деятельности. Однако это не исключается, если только будет доказано, что такой обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания в России, уже нарушал ранее избранную к нему меру пресечения или же скрывался (пп. 1–3 ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). А вот если вмененное такому субъекту преступление не связано с его предпринимательской деятельностью, то положения новой ч. 3.1 требуют, чтобы это обстоятельство было доказано посредством того, чтобы в материалах, прилагаемых к ходатайству об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, содержались данные, подтверждающие именно это обстоятельство. Если бы речь шла об «общеуголовных», а не о конкретных «предпринимательских» преступлениях, то сложностей в доказывании может и не возникнуть. Но применительно к тем же составам, которые по общему правилу дают привилегии обвиняемым из числа субъектов предпринимательской деятельности (конечно, при отсутствии негативных условий из пп. 1–3 ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), доказывание таких обстоятельств будет требовать дополнительных усилий для уяснения обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Подход к основаниям для избрания рассматриваемой меры пресечения посредством выделения предмета доказывания основывается на понимании предусмотренных в ст. 108 УПК РФ оснований и условий как юридических фактов уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, которые как элементы фактического состава (собственно предмета доказывания) законодателем комбинируются в зависимости от целей – продвижения таких разновекторных направлений уголовной политики, как гуманизация и усиление противодействия угрозам национальной безопасности.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499971/?ysclid=mnohcwvkn5660385451 (дата обращения: 03.10.2025).

2. Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 2 (97). С. 165–170.

3. Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты европейского суда // Адвокат. 2010. № 12. С. 23–30. URL: <https://www.iuaj.net/node/693> (дата обращения: 03.10.2025).

© Аширбекова М. Т., 2026

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры
предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД,
кандидат юридических наук, доцент

ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Спектр применения большинства видов судебных экспертиз, предметом исследования которых выступает человек или связанные с ним материальные объекты, в полной мере охватывает и несовершеннолетних лиц. Следует отметить, что некоторые виды экспертиз применимы исключительно к несовершеннолетним лицам. Так, определение возраста несовершеннолетнего может быть осуществлено посредством проведения соответствующей экспертизы, что предусмотрено п. 5 ст. 196 и ч. 2 ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Для достижения целей уголовного права лицо признается достигшим соответствующего возраста не в день рождения, а по истечении полных суток, то есть с началом следующих календарных суток, с нуля часов.

При определении возраста несовершеннолетнего, если речь идет о годе рождения, за дату рождения принимается последний день года, установленного экспертным заключением. В случаях когда возраст исчисляется количеством полных лет, суду надлежит ориентироваться на нижний предел возрастного диапазона, предложенного экспертами.

Российское уголовно-процессуальное законодательство устанавливает перечень обязательных требований, подлежащих соблюдению при расследовании уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних. Первоочередной задачей является определение индивидуальных черт личности и оценка степени психологического и интеллектуального развития ребенка. При выявлении задержек психического развития у ребенка следующим этапом становится оценка его способности осознавать потенциальную опасность своих поступков (как активных, так и пассивных) и контролировать их. Основания для назначения судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних:

1. Когда необходимо определить способность несовершеннолетнего полностью осознавать опасность своих действий и управлять ими, если ребенок имеет отставание, которое не связано с психическими расстройствами.

2. Для того чтобы установить способность несовершеннолетних участников преступления (свидетелей или потерпевших) корректно воспринимать ситуации, которые важны для дела, и давать о них верную информацию [3].

Для обеспечения эффективности дальнейшего расследования и судебного разбирательства проведение судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних на ранних стадиях производства является целесообразным, поскольку ее выводы оказывают существенное влияние на определение дальнейших процессу-

альных действий. Ключевая функция психолога заключается в налаживании доверительных отношений между следователем и несовершеннолетним. Этот процесс может осложняться страхом подростка перед возможными санкциями и его индивидуальными психологическими характеристиками.

Согласно мнению психологов экспертиза позволяет комплексно оценить личностные особенности несовершеннолетнего, охватывая как его адаптивные, так и дезадаптивные проявления. К таковым относятся, в частности, такие характеристики, как высокая реактивность, инертность, уровень тревожности, выраженность нарциссических и эгоцентрических тенденций. При анализе сложившейся ситуации необходимо учитывать эти факторы, поскольку выявленные характеристики личности напрямую коррелируют с предсказуемыми моделями поведения.

Не менее значимым является исследование невербальных сигналов подростка, включая мимику и жестикуляцию, так как их спонтанность у несовершеннолетних затрудняет сознательный контроль. В ряде случаев жесты, выражающие закрытость, могут указывать на факт насилия в отношении ребенка [4].

Юридический статус эксперта, являющегося ключевым источником данного типа доказательств, формируется совокупностью его прав, обязанностей и ответственности, что позволяет ему проводить всесторонние исследования и представлять обоснованные выводы в виде мотивированного заключения.

Назначение экспертизы является обязательным в ситуациях, когда для выяснения фактов, существенных для расследования уголовного дела, требуются специальные познания (согласно ст. 57 УПК РФ). Кроме того, законодательство устанавливает перечень случаев, когда проведение экспертизы является безусловным требованием (ст. 196 УПК РФ).

Для того чтобы прояснить или детализировать выводы, сделанные экспертом, может быть проведен его допрос в соответствии со ст. 166, 167 и ч. 1 ст. 205 УПК РФ. Важно отметить, что в ходе такого допроса эксперт обязан оставаться в рамках ранее представленного им заключения.

Запрещается использовать свидетельские показания, полученные в ходе допроса, в качестве замены официального экспертного заключения. Однако для разъяснения или уточнения уже представленного заключения эксперт может быть допрошен следователем или судом (согласно ст. 205 и 282 УПК РФ).

Экспертные показания представляют собой информацию, предоставленную специалистом в ходе допроса, касающуюся обстоятельств, требующих специальных знаний, а также разъяснение его заключения согласно ст. 53, 168 и 271 УПК РФ.

К предмету его показаний могут относиться только те значимые для уголовного дела обстоятельства, которые доступны непосредственному восприятию органов чувств человека (которые эксперт воспринимал, будучи привлеченным к производству следственных или судебных действий) или о которых в материалах уголовного дела уже содержатся какие-либо сведения.

В случае возникновения сомнений относительно научной обоснованности может быть применен допрос эксперта, проводившего экспертизу на стадии предварительного расследования, для получения разъяснений.

Допрос эксперта – это процессуальное действие, проводимое в рамках предварительного следствия и судебного разбирательства. Полученные в ходе него показания согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ рассматриваются как доказательства наряду с экспертным заключением [5].

Эксперт предоставляет показания в ходе допроса, который проводится после получения заключения. Эти показания служат для разъяснения или уточнения экспертного заключения. Требования к ним регламентированы ст. 205 и 282 УПК РФ.

По сути дела показания эксперта, полученные в ходе его допроса, являются отчасти продолжением тех выводов, которые он предоставил в своем заключении. Эти показания не могут быть приняты и оценены в качестве самостоятельного доказательства, поскольку эксперт при допросе лишь разъясняет те выводы, к которым он пришел в результате исследования. Несмотря на это, в ходе судебного разбирательства эксперты имеют возможность расширять свои выводы, включая новые факты, которые сами по себе служат весомым доказательством.

На стадии предварительного следствия предусмотрена возможность допроса эксперта следователем как по его усмотрению, так и по запросу участников процесса (подозреваемых, обвиняемых, их адвокатов) с целью получения дополнительных разъяснений по содержанию экспертного заключения.

При производстве допроса следователю важно помнить, что задаваемые для разъяснения эксперту вопросы могут быть связанными только с произведенной судебной экспертизой. Лишь после производства судебной экспертизы и предоставления следователю или суду заключения эксперт может быть подвергнут допросу с целью получения разъяснений по судебному исследованию. Экспертные показания, не подкрепленные соответствующим заключением, не могут быть признаны самостоятельным доказательством.

Сведения, полученные в ходе допроса эксперта, несмотря на их релевантность для дела, не могут быть квалифицированы как доказательства, в том числе не приравниваются к свидетельским показаниям.

Как было указано ранее, экспертные показания носят вспомогательный характер по отношению к сформулированным экспертом заключениям.

Иными словами, мы имеем дело с двумя специфическими категориями доказательств, чья природа исключает их независимое существование. Они всегда выступают в качестве сопутствующих элементов, дополняющих соответствующие выводы.

Взаимосвязь между выводами и показаниями эксперта заключается в следующем: выводы могут быть представлены без устного изложения экспертом, если не возникает потребности в его допросе для разъяснения или дополнения представленных сведений. Однако показания эксперта не могут существовать в отрыве от его письменных заключений [6].

Показания эксперта, их получение, фиксация и оценка регламентированы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ показания эксперта определяются как информация, предоставленная им в ходе допроса, проводимого после составления заключения, с целью его разъяснения или уточнения. Допрос эксперта, по сути, служит инструментом для восполнения

процессуальных пробелов, возникающих в связи со спецификой проведения экспертизы, в отличие от стадии представления готового заключения.

Необходимо подчеркнуть, что общие правила, касающиеся свидетельских показаний, в полной мере распространяются и на показания экспертов. Информация предоставляется исключительно вербально и извлекается посредством допроса. Различия между этими видами доказательств, особенно в их содержании, очевидны. В отличие от лиц, непосредственно вовлеченных в расследуемые события (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), эксперт не обладает личным опытом или знанием о произошедшем. Следовательно, его показания не могут основываться на непосредственном восприятии событий. Эксперты предоставляют свидетельские показания исключительно в отношении выводов, к которым они пришли в процессе подготовки заключений. Это, в свою очередь, подчеркивает вторичный, зависимый характер таких доказательств.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125959/?ysclid=mnoj673ikk911947646 (дата обращения: 23.11.2025).
2. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза. М.: Юрайт, 2024. 385 с.
3. Тигунцева Г. Н. Психология отклоняющегося поведения. М.: Юрайт, 2023. 350 с.
4. Уварова И. А., Сорочан В. В. Особенности производства судебно-психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних подозреваемых // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 631–633.
5. Осодоева Н. В. Допрос эксперта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 2 (12). С. 244–249.
6. Российский С. Б. О практике производства экспертиз в негосударственном судебно-экспертном учреждении // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 30–33.

© Вологина Е. В., 2026

**О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ**

Важную роль в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, играют меры процессуального принуждения, которые путем ограничения прав и свобод подозреваемого и обвиняемого сужают спектр его возможного негативного влияния на участников процесса, находящихся под защитой [1, с. 12; 2].

В более ранних публикациях мы отмечали, что организованная преступность в силу своих специфических черт, характеризующих ее как особое криминальное явление (устойчивость, значительная численность лиц, входящих в группировку; общая цель, в частности цель обогащения; действующая в преступной группе система норм поведения и ценностей; связь с другими подобными группировками; иерархичность группы; распределение ролей и др.), опасно именно теми проявлениями ее признаков, которые создают риски для охраняемых субъектов уголовного процесса.

Поэтому даже задержание единичного члена преступной организации не исключает возможных угроз безопасности охраняемых лиц, так как преступные связи сохраняются и могут быть задействованы для нейтрализации участников судопроизводства, способствующих правосудию. По сути, изоляция только задержанного члена преступной группировки не даст должного эффекта, если не будут применяться параллельно с этим и другие меры процессуального принуждения.

Кроме того, нужно внимательно изучать состав преступной группировки, существующие взаимоотношения и распределение ролей внутри этого сообщества, чтобы оценить реальные риски защищаемым лицам. Для исключения любых контактов задержанного (арестованного) члена преступной группировки следует применять в том числе арсенал средств уголовно-процессуального воздействия.

Например, ч. 4 ст. 96 УПК РФ предоставляет возможность следователю ограничить право задержанного на телефонный звонок (такое право реализуется в трехчасовой срок с момента доставления последнего к следователю) [3]. Для обеспечения законности такого правоограничения закон требует вынесения мотивированного постановления и согласования его с прокурором [4]. Такое решение следователя формально обладает признаками меры уголовно-процессуальной защиты, а ее эффективность особенно ярко себя проявляет по делам о преступлениях, совершенных организованной преступной группой.

Например, по уголовному делу, возбужденному по факту сбыта наркотиков в составе преступной группы, Н. данного права не было предоставлено на основании решения следователя по согласованию с прокурором. Н. была осуждена по ч. 3

ст. 30, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [5] к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Адвокат обжаловал приговор в кассационную инстанцию, в том числе по вопросу непредоставления права на звонок своей подзащитной по правилам ч. 1 ст. 96 УПК РФ. Тем не менее кассационная инстанция не нашла оснований для отмены приговора в этой части [6].

Применение данной меры ограничения является более чем обоснованным в контексте расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, по нескольким причинам:

1. Защита тайны следствия. Организованная преступность часто использует слаженные механизмы для координации действий и минимизации рисков. Ограничение доступа задержанного к телефону позволяет предотвратить возможность связи с сообщниками, что, в свою очередь, помогает избежать возможности сокрытия улик, давления на свидетелей или планирования действий по устранению потенциальных угроз со стороны следствия.

2. Предотвращение мести и запугивания. Задержанные, связанные с организованной преступностью, могут прибегнуть к мести в отношении лиц, являющихся источником информации для правоохранительных органов, включая свидетелей, потерпевших, бывших членов групп, сотрудников и др. Ограничение звонков помогает предотвратить возможность передачи угроз и координации ответных действий, что обеспечивает безопасность всех участников уголовного судопроизводства.

3. Соблюдение порядка расследования. Организованные преступные группы склонны к манипуляциям, поэтому сохранять тайну задержания зачастую необходимо для обеспечения тайны хода расследования и последующего выявления других участников преступной схемы. Оперативное изменение обстоятельств, связанных с уголовным делом, может существенно ослабить действия полиции и воспрепятствовать расследованию.

4. Соблюдение правовых норм. Применение данной нормы позволяет сохранять баланс между правами задержанного (так как принятие данного решения санкционируется прокурором с учетом обстоятельств конкретного дела) и необходимостью защиты общества от преступных действий со стороны организованных преступных групп.

Оставление в тайне факта задержания лица способствует более эффективному контролю над ситуацией и в конечном счете увеличивает шансы на успешное раскрытие преступлений и привлечение виновных к ответственности.

В контексте неуведомления родственников задержанного по фактам совершения преступлений организованными преступными группами хотелось бы затронуть вопросы задержания несовершеннолетних.

Современная практика борьбы с организованной преступностью сталкивается с большим количеством сложных и многогранных проблем. Одной из наиболее серьезных является вовлечение несовершеннолетних в преступные группы, что может происходить в семьях или этнических общинах, где криминальная деятельность является нормой. Примером могут служить случаи, когда цыганские семейные сообщества участвуют в организации наркоторговли, специально привлекая несовершеннолетних с целью минимизации наказания за преступление, ведь для несовер-

шеннолетних действуют менее строгие меры уголовной ответственности. К сожалению, несовершеннолетние, вовлекаемые в преступные группы, часто эксплуатируются преступниками. Это не только ставит под угрозу их физическую и психологическую безопасность, но и деструктивно влияет на их будущее.

При этом в большинстве случаев, правоохранительные органы обязаны уведомлять родителей о задержании их детей, что иногда может способствовать ухудшению ситуации: родители, находящиеся в преступной среде, могут надавить на несовершеннолетних или попытаться скрыть факты преступной деятельности, оперативно «свернуть» ряд секторов преступного бизнеса. На наш взгляд, для решения этой проблемы можно ввести норму, позволяющую прокурору в особых случаях, связанных с участием несовершеннолетних в организованных преступных группах, временно не уведомлять родителей о задержании. Это исключение может быть применено только в особых случаях с соблюдением ряда условий:

1. Существуют доказательства вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность организованных преступных групп, угрожающую его жизни или здоровью.

2. Уведомление родителей может привести к негативным последствиям для несовершеннолетнего или повлиять на ход следствия.

3. Необходимо обеспечить защиту несовершеннолетнего от дальнейшего вовлечения в криминальную среду.

Реализация данного предложения возможна, когда прокурор принимает решение о неуведомлении родителей только на основании конкретных фактов и обстоятельств дела.

В ходе проведенного в 2025 г. анкетирования 279 следователей, руководителей следственных органов и оперативных сотрудников по проблемам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами¹, на вопрос «Считаете ли Вы обоснованным дополнение ст. 96 УПК РФ возможностью с согласия прокурора не уведомлять родителей несовершеннолетнего о его задержании, если подозреваемый несовершеннолетний задержан в связи с совершением преступления в составе организованной преступной группы?» положительно ответили 77 % респондентов, из которых 164 респондента посчитали это возможным по любым уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами, а 51 человек решил оптимальным использовать данный формат правоограничения по уголовным делам, связанным с участием несовершеннолетних в организованных этнических группировках.

¹ Опрошены сотрудники из Архангельской, Астраханской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Оренбургской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Тамбовской областей, Краснодарского, Пермского, Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Башкортостан, Республики Калмыкия, Республики Карелия, Республики Крым, Республики Северная Осетия, Республики Татарстан, Удмуртской Республики.

С учетом изложенного предлагаем следующую редакцию ч. 4 ст. 96 УПК РФ:

«4. При необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление по мотивированному постановлению дознавателя, следователя с согласия прокурора может не производиться. Неуведомление родителей несовершеннолетнего задержанного возможно только в исключительных случаях с согласия прокурора, если подозреваемый несовершеннолетний задержан в связи с совершением преступления в составе организованной преступной группы».

Данная мера направлена на то, чтобы обеспечить дополнительную защиту несовершеннолетним, вовлеченным в организованную преступность, одновременно сохраняя баланс между правами задержанных и безопасностью общества. Введение таких мер может помочь противостоять манипуляциям со стороны преступных групп и снизить уровень криминальной активности среди молодежи.

Список библиографических ссылок

1. Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 22 с.

2. Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Российская газета. 2025. 25 дек.

4. Ахтямова К. М., Подковка С. В. Институт обеспечения безопасности участников уголовного процесса: вопросы теории и практики // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 379–380.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2025. 25 дек.

6. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2023 № 77-2092/2023. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2025).

© Глухова К. С., 2026

Зайцева Елена Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

**ИНСТИТУТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ:
РАЗДУМЬЯ О БУДУЩЕМ
С ОПОРОЙ НА ПРОШЛОЕ**

Название нашей конференции обязывает говорить о роли правового института специальных познаний в уголовно-процессуальном доказывании. Очевидность все возрастающей значимости данного института в условиях развития научно-технической составляющей доказывания в эпоху цифровизации нашего общества не вызывает сомнений.

Каким должен быть этот институт, чтобы достойно отвечать вызовам современности? Подлежит ли он коренной трансформации или должен развиваться эволюционным путем в русле национальной традиции? Пожалуй, указанные вопросы актуальны для любой нормативной общности российского уголовно-процессуального права, находящегося в состоянии перманентного реформирования (свидетельством этого непрекращающегося преобразования нашей отрасли права являются регулярные дополнения и изменения УПК РФ, количество которых уже превзошло число самих уголовно-процессуальных норм¹).

В таких непростых условиях правовой нестабильности (а по-другому это состояние охарактеризовать нельзя) ученые ищут «реперные точки», идейные ориентиры, по которым выверяют свои взгляды и представления относительно сущего и должного в уголовном процессе, чтобы потом, отталкиваясь от них, попытаться выстроить жизнеспособные концепты, способные стать вариантами путей для совершенствования нашего уголовного судопроизводства.

Вряд ли такими ориентирами должны выступать зарубежные модели уголовно-процессуального права, формировавшиеся в иных исторических и социальных условиях, предпосланные правоприменителям с другим менталитетом и правосознанием. Не случайно за последние полгода в названиях многих научно-практических конференций звучит ностальгическая нотка по историческому опыту России в сфере уголовного судопроизводства: на смену модному увлечению идеей имплементации достижений мирового (или европейского) сообщества в российский уголовный процесс все чаще звучит призыв оглянуться назад, оценить тот накопленный предыдущими поколениями богатейший отечественный потенциал и, трансформировав его под нужды современности, задействовать в нашей правовой действительности.

Поклонникам же реформ в этих условиях хочется напомнить, что любая система стремится к минимизации энтропии и стабильности, что изменения уголовно-процессуального закона должны быть объективно продиктованы сложившейся по-

¹ Минимум 356 Федеральных законов и 34 решения Конституционного Суда РФ вносили коррективы в текст УПК РФ.

требностью в упорядочивании общественных отношений, которое должно протекать в традиционном формате, присущем отечественному уголовному процессу. При рассмотрении такой проблематики представляется целесообразным сослаться на мнение К. Д. Анциферова – известного дореволюционного юриста, криминалиста, который весьма прозорливо на этот счет писал: «...черта, характеризующая наших благонамеренных реформаторов, заключается, на наш взгляд, в крайнем увлечении образцами ... запада и в стремлении пересаживать их на нашу отечественную почву, без достаточного соображения целесообразности такой меры» [1, с. 283–284]. Как видно, еще более полутора веков назад схожие проблемы волновали наших отечественных правоведов.

Возвращаясь к теме нашей работы, отметим, что преобразования правового института специальных знаний должны идти эволюционным путем с учетом нашей национальной самобытности, которую подчеркнул профессор В. Н. Махов: «... Еще в дореволюционной России в определенной мере были заложены теоретические основы для самостоятельного, отличного от уголовного процесса стран Запада, пути развития в уголовном процессе нашей страны института сведущих лиц. Его характерными чертами стали узкое понимание экспертизы, заключения эксперта, отграничение экспертизы от участия специалистов в следственных действиях и допросах сведущих лиц» [2, с. 24].

Он первый четко сформулировал эту специфику российского правового института специальных познаний, проследив все этапы его становления, последовательного вычленения в нем сначала субинститутов судебной экспертизы, потом – специалиста. Пренебрегать данными закономерностями при конструировании научных концептов, разработке проектов федеральных законов – вещь непростительная.

Игнорирование указанных закономерностей способно торпедировать саму основу доказательственного права, привести к эрозии правовых институтов, размыванию их границ и предмета правового регулирования.

Продemonстрируем наш тезис на примере отечественного опыта и опыта Республики Казахстан. В обоих уголовно-процессуальных кодексах (УПК РФ и УПК РК) регламентирован такой вид доказательств, как заключение специалиста.

В УПК РФ данный вид доказательств не нашел законченного нормативного регулирования с точки зрения его получения и фиксации: вопреки традиционному подходу законодатель ввел новое доказательство без закрепления процедурных аспектов¹, что сразу же вызвало волну дискуссий относительно правовой природы заключения специалиста.

Недосказанность и невнятность позиции законодателя попытались компенсировать в меру своих возможностей высшие судебные инстанции Российской Федерации: сначала Пленум ВС РФ в постановлении от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [3], а затем и Конституционный Суд РФ в ряде своих решений 2016–2017 гг. [4–6] обозначили принципиальную разницу между заключе-

¹ Это значительное отступление от правил законодательного регулирования: доказательство в такой ситуации невозможно оценить с точки зрения соблюдения процессуальной формы его получения и фиксации, что затрудняет оценку его допустимости.

нием специалиста и заключением эксперта, которая, по мнению данных инстанций, состоит в обязательности производства исследования экспертом перед дачей заключения и запрете проведения такового исследования специалистом. По нашему глубокому убеждению, это выверенные правовые позиции, соответствующие базовым теоретическим основам института специальных познаний, традициям развития отечественного законодательства в области судебной экспертизы. На них необходимо ориентироваться законодателю при построении нормативного материала, направленного на совершенствование правового института специальных познаний. Однако мы помним Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ [7], который вопреки четким предписаниям Пленума ВС РФ, изложенным в постановлении № 28, наделил специалиста в уголовном процессе полномочием на производство исследований в ходе проверки сообщения о преступлении.

Что это за нормотворчество, рожденное в недрах МВД России? Почему разработчики проекта этого федерального закона проигнорировали и правовые позиции Пленума ВС РФ, и традиции отечественного правового института специальных познаний, и собственное ведомственное регулирование, которое до сих пор (!) не предусматривает возможности составлять сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений такой процессуальный документ, как заключение специалиста?

Проигнорирован и принцип экономии нормативного материала: согласно нормативным установлениям, введенным в УПК РФ этим федеральным законом, теперь *de iure* существуют два источника доказательств, полученных процессуальным путем на основе проведенного исследования компетентным лицом. Хотя практика *de facto* отвергает подобное новаторство, и результаты проведенного в рамках проверочного мероприятия исследования, носящего непроцессуальный характер, сотрудники ЭКП продолжают оформлять традиционными «справками об исследовании» [8]. Как говорится, комментарии излишни...

Еще «дальше» российского законодателя в вопросах неадекватного регулирования участия специалиста в уголовном судопроизводстве пошел казахстанский законодатель, который допустил существование в уголовном судопроизводстве «процессуального клона» заключения эксперта – заключения специалиста, которое отличается от первого лишь ведомственной принадлежностью компетентного лица, которое составляет по итогам проведенного исследования такое заключение. Напомним, что после реформ в Республике Казахстан только сотрудники экспертных организаций Минюста получили право проводить судебные экспертизы, а эксперты МВД РК таковой возможности были лишены. В условиях возникшего дефицита экспертных услуг потребовалось компенсировать нехватку экспертов нетрадиционным путем: в УПК РК появилось заключение специалиста, составляемое сотрудником МВД РК на основе проведенного исследования. Подобная законодательная техника не только противоречит принципу процессуальной экономии, но и кардинально меняет облик института специальных познаний в уголовном судопроизводстве [9].

Таким образом, приведенные примеры наглядно демонстрируют, к каким отрицательным последствиям, в части нормативной регламентации участия в уголовном процессе сведущих лиц, приводит игнорирование закономерностей становления правового института специальных познаний.

Как сохранить преемственность в развитии этого института в современных условиях тотальной цифровизации всех сфер жизни общества? Во-первых, устранить из действующего уголовно-процессуального закона нормы, которые противоречат традициям этого института (в части производства исследования специалиста перед дачей им заключения). Во-вторых, для устранения явного созвучия в наименованиях доказательств, формируемых на основе специальных знаний сведущих лиц, изменить название результатов консультационной деятельности специалиста, как это было изначально принято в цивилистическом процессе, где специалист не дает заключений, а дает именно консультацию. В-третьих, для удовлетворения потребностей стороны защиты в предоставлении контрдоказательств, способных конкурировать с заключением эксперта, предусмотреть в тексте УПК РФ новеллу о несудебной экспертизе, проводимой сведущими лицами на договорной основе со сторонами в процессе. В-четвертых, определить в законе пределы консультационной деятельности специалиста, в том числе по возможности проводить оценку (в формате рецензирования) заключений экспертов.

После «наведения порядка» в самом правовом институте специальных познаний необходимо приступить к проработке более масштабных проблем доказывания в условиях цифровизации. А этот процесс требует синхронизации во всех процессуальных отраслях российского права. И это тема отдельной дискуссии.

Список библиографических ссылок

1. Анциферов К. Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. СПб.: Гос. тип., 1898. (4), VIII. 587 с.
2. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. М.: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
3. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/?ysclid=mnolqs262o670181428 (дата обращения: 01.10.2025).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чарушникова Андрея Леонидовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 3.1 части второй статьи 74, статьями 80 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 207-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28012016-n-207-o/?ysclid=mnolt76tvq239509137> (дата обращения: 01.10.2025).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Павла Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение от Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 2032-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092016-n-2032-o/?ysclid=mnolwovham722516539> (дата обращения: 01.10.2025).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Оголихина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1173-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1173-o/>

konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1173-o/?ysclid=mnolzd6vq0440963556 (дата обращения: 01.10.2025).

7. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/?ysclid=mnom24avzv279013591 (дата обращения: 01.10.2025).

8. Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: приказ МВД РФ от 11.01.2009 № 7 (в ред. приказа МВД России от 09.03.2023 № 126). URL: <https://base.garant.ru/72341002/> (дата обращения: 01.10.2025).

9. Зайцева Е. А. Заключение специалиста – «процессуальный клон»? // Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасын жетілдірудің болашағы: Халықаралық ғыл.-практ. конф. мат-ры = Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан: Мат-лы международ. науч.-практ. конф. / Қауымдастырылғын профессор Д. Т. Кенжетаевтың жалпы редакциясымен. Қарағанды: Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, 2018. С. 163–165.

© Зайцева Е. А., 2026

Зотова Анна Федоровна,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса УНК по ПС
в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ГЛАСНОСТЬ» И «ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ» УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Феномен открытости уголовного судопроизводства, на наш взгляд, содержит в себе в качестве элементов гласность и транспарентность. Подробный анализ каждого из них и позволит нам уяснить природу рассматриваемого понятия, его соотношение с иными институтами уголовно-процессуального права и в последующем определить место открытости в системе принципов уголовного судопроизводства.

Несмотря на то, что гласность не закреплена в качестве принципа уголовного судопроизводства, а является лишь гарантией соблюдения его открытости, в юридической литературе продолжается дискуссия о содержании данного института. Ряд авторов предлагает рассматривать гласность в качестве принципа уголовного судопроизводства. Другие ученые поправляют их и указывают, что гласность хоть и принцип, но не уголовного судопроизводства в целом, а лишь его части – судебного разбирательства [1, с. 64]. Их оппоненты вообще рассматривают гласность в качестве лишь элемента транспарентности, выделяя в качестве принципа уголовного судопроизводства именно ее [2, с. 22].

Не можем согласиться с мнением А. Н. Володиной, З. В. Макаровой и других ученых, которые полагают, что понятие гласности шире, чем понятие открытости. По их мнению, открытость – лишь законодательная возможность неопределенного круга лиц знакомиться с материалами досудебного и судебного производства, а гласность предполагает возможность высказывания мнений о деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и принятых ими решениях, которые в последующем могут учитываться судебными органами при принятии последующих решений.

Вполне обоснованной выглядит позиция В. З. Лукашевича, согласно которой гласность (рассматриваемая им как принцип) имеет место не только на стадии разбирательства уголовного дела, но и в рамках досудебного производства. Так, лицо, производящее расследование по уголовному делу, должно понимать, что те сведения, которые зафиксированы им в процессуальных документах, в последующем могут быть преданы огласке в процессе рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании, проводимом в открытом режиме [3, с. 128]. Нормы ст. 161 УПК РФ не запрещают предавать огласке данные, ставшие известными участнику уголовного судопроизводства в процессе производства предварительного расследования, а лишь содержат указание на порядок такого разглашения и условия, при которых таковое недопустимо. Лицо, производящее расследование, самостоятельно определяет объем допустимых к разглашению данных, установив, что разглашение

не послужит поводом для нарушения прав участников процесса и не воспрепятствует производству по делу.

Рассматривая гласность как принцип уголовного судопроизводства, действующий в том числе и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, В. В. Вандышев, З. В. Макарова и др. видят в нем не только возможность выражения общественного мнения, но и одну из форм общественного контроля за всеми органами, осуществляющими расследование преступлений с момента возбуждения уголовного дела до момента вступления в законную силу приговора суда [4, с. 9].

Несмотря на то, что любой из принципов уголовного процесса предполагает свое действие на каждой из его стадий, объем действия каждого принципа на конкретной стадии уголовного процесса различен. При этом именно то, как действует гласность на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, представляет особый интерес. Так, если ст. 241 УПК РФ закрепляет, что по общему правилу, уголовные дела по существу рассматриваются в открытых заседаниях, то ст. 161 УПК РФ закрепляет запрет разглашения сведения в качестве общего правила. Возможность предания огласке сведений, ставших известными в процессе предварительного расследования, является исключением из правила.

Таким образом, несмотря на наличие у гласности некоторых признаков, которые характерны для принципов уголовного судопроизводства, полагаем, что ее институциональные и функциональные признаки не позволяют быть ей не отнесенной к числу принципов уголовного процесса.

Основным нормативным актом, закрепившим порядок обеспечения доступа неопределенного круга лиц к сведениям о деятельности судов, является Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Закрепляя основные принципы, на которых строится обеспечение доступа неопределенного круга лиц к сведениям о деятельности судов, в п. 1 ст. 4 законодатель указал «открытость и доступность информации», еще больше запутав, какие из рассматриваемых нами понятий относить к принципам уголовного процесса.

В своих трудах В. И. Анишина анализирует «открытость», «гласность» и «транспарентность» в качестве понятий, схожих по своему значению [5, с. 186]. По мнению Л. В. Тумановой, одним из условий, характеризующих доступность правосудия, является транспарентность, которую следует рассматривать в качестве механизма обеспечения такой доступности [6, с. 202]. Справедливо, на наш взгляд, отмечает Ю. В. Южаков, что одним из элементов транспарентности уголовного судопроизводства является публичное размещение решений судов различных инстанций в средствах массовой информации [7, с. 251]. По мнению Е. Б. Абросимовой, транспарентность представляет собой информацию о правосудии, наделенную таким свойством, как доступность неопределенному кругу лиц. При этом она выделяет три формы рассматриваемого понятия:

1. Сведения (свобода информации) о суде как об органе одной из ветвей власти. К этим сведениям следует относить информацию об организационной структуре судебных органов, полномочиях того или иного суда, находящегося на определенной территории, режиме работы, членах судебного корпуса, порядке назначения на должность судьи и условиях отставки.

2. Судебно-процессуальная информация. В эту группу включаются: сведения о предстоящих судебных заседаниях, доступность посещения того или иного заседания суда, доступность материалов уголовных дел и принятых по результатам их рассмотрения решениям.

3. Доступность сведений о «судейском самоуправлении», структуре и условиях формирования дисциплинарных органов суда.

При этом Е. Б. Абросимова определяет прозрачность уголовного судопроизводства как совокупность его гласности и открытости [8, с. 143].

Таким образом, в юридической литературе встречаются различные мнения о соотношении открытости с гласностью, публичностью и прозрачностью. Одни авторы рассматривают в качестве принципа уголовного судопроизводства гласность, другие – публичность, третьи – и гласность, и публичность, четвертые – прозрачность, включая в ее содержание гласность, публичность и открытость. Однако проведенный нами анализ содержания понятий «гласность» и «прозрачность» позволяет сделать вывод о том, что «открытость» – понятие более емкое, которое, на наш взгляд, включает в себя такие элементы, как гласность и прозрачность, в зависимости от стадии уголовного судопроизводства.

Список библиографических ссылок

1. Уголовный процесс: учебник / под ред. К. Ф. Куценко. М.: Зерцало, 1998. 584 с.
2. Батищев О. В. Бинарная правовая природа общего начала гласности уголовного судопроизводства // Общество. Закон. Правосудие. 2020. № 2. С. 20–23.
3. Уголовный процесс России: общая часть: учебник / под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 447 с.
4. Вандышев В. В. Уголовный процесс: курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 994 с.
5. Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций. М.: Эксмо, 2008. 270 с.
6. Туманова Л. В. Вопросы прозрачности гражданского судопроизводства // Проблемы прозрачности правосудия. М.: ЛексЭст, 2005. 268 с.
7. Южакова О. В. Прозрачность правосудия в гражданском процессе // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2014. № 3. С. 250–256.
8. Абросимова Е. Б. Прозрачность правосудия // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 2002. № 1. С. 142–152.

© Зотова А. Ф., 2026

Каримова Гульназ Юрисовна,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальная идеология как составные части государственной политики и государственно-правовой идеологии – взаимосвязанные феномены. Одними из первых определение уголовно-процессуальной политики дали советские ученые Н. С. Алексеев и В. Г. Даев, которые предложили рассматривать ее в качестве основных направлений правотворческой и правоприменительной деятельности по борьбе с преступностью посредством реализации уголовного закона при строжайшем соблюдении социалистической законности, а также путем выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений [1, с. 98]. Современное уголовное законодательство построено на новых, пришедших на смену советской идеологии, ценностях. Однако суть уголовно-процессуальной политики особым образом не изменилась. Вся деятельность законодательных и исполнительных органов государственной власти должна основываться на законах, позволяющих осуществлять эффективную борьбу с преступностью.

Следует согласиться с мнением А. Н. Конева о том, что идеологические основы уголовного судопроизводства выступают неким фундаментом уголовно-процессуальной политики, поскольку они наполняют сущностным содержанием и задают четкие ориентиры [2, с. 8]. Несмотря на закрепленное в ст. 13 Конституции Российской Федерации положение об идеологическом многообразии и отсутствии единой государственной обязательной идеологии, Российская Федерация в то же время провозглашена демократическим правовым государством, что определяет идейные ценности такого государства. Ценностями в первую очередь провозглашены человек, его права и свободы, традиционные духовно-нравственные основы, среди которых следует выделить высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, преемственность поколений и единство народов России.

В условиях современных вызовов и угроз нашему государству, нашедших свое отражение в документах стратегического планирования, особенно важно правильно определять уголовно-процессуальную политику, которая выступает практическим выражением уголовно-процессуальной идеологии. История показывает, что отсутствие четкой уголовно-процессуальной идеологии порождает невнятную уголовно-процессуальную политику, которая, в свою очередь, проявляет себя стихийным законотворчеством и непоследовательными процедурными решениями. Подтверждением сказанному являются непрекращающиеся изменения и дополнения норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г., что, с одной стороны, показывает «неприжитость» в полном объеме западной идеологии либерализма

в идеологических основах отечественного уголовного судопроизводства, а с другой – закономерное обновление уголовно-процессуального закона как проявление идеологического и методологического отражения «инновационизма». Постоянное обновление законодательства А. Н. Конев рассматривает как переформатирование по законам существования информационно-технического мира, в котором обновление программных продуктов – главный принцип существования. Интересным представляется мнение Козявина А. А. и Милениной А. В. о том, что в России продолжается реформирование уголовно-процессуального права без изменений в организационной структуре, пронизывающей сам уголовный процесс [3]. По их мнению, главной проблемой УПК РФ является сущностная эклектичность, выражающаяся в плохом сочетании общих демократических параметров уголовно-процессуальной формы и советским наследием в виде сложившихся управленческих отношений в сфере раскрытия преступлений, расследования и рассмотрения уголовных дел. С этим мнением можно согласиться, поскольку в качестве одного из идеологических принципов выступает принцип состязательности не только на стадии судебного рассмотрения уголовного дела, но и на стадиях досудебного производства. Однако на досудебных стадиях реальной состязательности нет, поскольку следователь или дознаватель осуществляют поиск и выявление лиц, совершивших преступление, с соблюдением прав, свобод и законных интересов личности, то есть имеет место розыскной тип или форма уголовного процесса [4, с. 34]. Таким образом, уголовное судопроизводство России относится к смешанной форме с реализацией принципа состязательности на судебных стадиях уголовного процесса.

Еще одним направлением уголовно-процессуальной политики выступил поиск оптимального баланса соблюдения интересов сохранения неприкосновенности частной жизни граждан и борьбы с преступностью [5, с. 9]. Соблюдая права и законные интересы граждан, правоохранительные органы должны эффективно выявлять виновных в совершении преступления лиц. Высказывание В. З. Лукашевича о необходимости соблюдения, наряду с расширением прав участников уголовного процесса, интересов государства и общества в борьбе с преступниками актуально и по сей день [6, с. 10].

В качестве идеологических основ уголовно-процессуальной политики следует отметить гуманизацию уголовного процесса, когда вопросы признания и защиты прав и свобод личности являются одними из основных в правовом государстве. Это выражается в закреплении на законодательном уровне права на дачу показаний и объяснений, заявление ходатайств, бесплатное предоставление переводчика [7, с. 400] и др. Гуманизм или гуманное отношение выражается в соблюдении баланса между правами и законными интересами законопослушных граждан и виновных лиц. Проявлением гуманизма и справедливости считается также прекращение уголовного преследования в связи с участием в специальной военной операции как формы реализации патриотизма и исполнения гражданского долга [8].

Конституционные ценности уголовно-процессуальной политики находят свое выражение в провозглашенных в Конституции Российской Федерации идеях приоритета общечеловеческих ценностей над другими, недопустимости произвольного ограничения прав и свобод граждан, обеспечении безопасности личности. Конституци-

онными ценностями уголовно-процессуальной политики также следует считать основные руководящие идеи равенства всех граждан, презумпции невиновности, обеспечения права на защиту и другие. Обобщая сказанное, следует отметить, что все положения Конституции, определяющие гарантии прав и свобод человека, принципы судопроизводства, и есть те самые конституционные правовые ценности, которые лежат в основе построения уголовного судопроизводства.

В условиях современных вызовов и угроз возникает необходимость формирования единой стратегии развития уголовно-процессуальной политики, компонентов идеологических основ построения современного уголовного судопроизводства, основанных на законах и документах стратегического планирования.

Список библиографических ссылок

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе // Правоведение. 1977. № 5. С. 98.
2. Конев А. Н. Уголовно-процессуальная политика как источник идеологических проблем современного уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 5–9.
3. Козявин А. А., Миленина А. В. Новейшие тенденции уголовно-процессуальной политики в России // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 65–74.
4. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Издание 8-е. Екатеринбург, 2023. 350 с.
5. Александров А. И. Государственно-правовая политика в сфере уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, решения // Российский следователь. 2008. № 15. С. 8–11.

© Каримова Г. Ю., 2026

Козловский Петр Валерьевич,
докторант научно-исследовательского отдела
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭТАЛОН: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ ПРАВОВАЯ ЦЕЛЬ?

После распада СССР было провозглашено построение нового демократического уголовного процесса на основе «подлинной состязательности» [1]. Принцип состязательности как определяющий построение судопроизводства был закреплен в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. В уголовном процессе Конституционный Суд РФ последовательно обозначил тенденцию на расширение его действия, включая досудебное производство [2, с. 9–11]. В действующем УПК РФ, принятом в 2001 г., состязательность провозглашена принципом уголовного процесса.

Почему это произошло и состязательный процесс стал для нас эталоном, несмотря на континентальную природу русского и советского уголовного процесса? В какой-то степени активное внедрение состязательности можно объяснить активным участием американских специалистов при подготовке проекта УПК РФ [3] и вероятным зарубежным влиянием на подготовку судебной реформы. Однако ограничиваться лишь этим объяснением представляется чрезмерным упрощением.

Восхваление достоинств состязательного английского процесса имеет давние истоки. После Великой французской революции 1789 г. была предпринята попытка переноса английского обвинительно-состязательного процесса на французскую почву. 30 апреля 1790 г. Учредительным собранием принято решение о создании суда присяжных, за основу которого была взята английская модель, в которой виделся образец для подражания. Особого внимания в этом контексте заслуживает позиция М. Робиспьера, который выступал против некритичного восхваления английского суда присяжных, указывая на изменившиеся политические условия во Франции и недопустимость копирования архаичных элементов (имущественный ценз для присяжных и др.) [4, с. 82]. Как следствие, указанные нововведения оказались непригодными для практической реализации в силу несоответствия сложившейся уголовно-процессуальной традиции [3].

Указанное обстоятельство не оказало серьезного влияния на положительную оценку английского уголовного процесса среди ряда русских ученых. Розин Н. Н. указывал на общинный, народный характер, присущий английской юстиции, политический строй Англии, являющийся примером для подражания. Торжество начала состязательности автор связывал с развитием правовой культуры английского общества, объясняя смешанный характер пореформенного французского процесса юридическим консерватизмом, недостаточно полным признанием прав личности и не вполне точным пониманием основных начал судостроительства и судопроизводства [5, с. 38, 342].

Миттермайер К. Ю. А. называл следующие причины эффективности английского процесса:

1. Характерные черты, отличающие англичан, шотландцев и североамериканцев: любовь к истине, мужество, откровенность, твердость в защите своих прав, практичность и строгая нравственность.

2. Организация политической жизни и политического устройства Англии. Участие англичан в общественных делах способствует тому, что обвинитель, свидетели и присяжные отличаются решительностью, высказываются откровенно и твердо исполняют свой долг, не заботясь о последствиях.

3. Английская система администрации, где опытные и не отдалившиеся от народа чиновники не образуют отдельную касту.

4. Малое количество судей, которые являются профессионалами.

5. Участие народного элемента, на который профессиональный судья не оказывает влияние.

6. Английское судопроизводство основано на обвинительном начале. Обвинитель всегда действует с целью защиты общественного интереса.

В завершение Миттермайер К. Ю. А. делает вывод о том, что в Англии условия общественной жизни устраняют все неудобства, сопряженные с обвинительным порядком, делая безнаказанность виновных невозможной [6, с. 32, 41, 46, 51].

На восторженное отношение многих авторов к состязательному английскому уголовному процессу как к идеалу и образцу для подражания указывал И. Я. Фойницкий [7, с. 26].

Вера в английский состязательный процесс как наиболее совершенную форму организации уголовного судопроизводства в ходе реформирования уголовного судопроизводства в постсоветский период возродилась и усилилась [8, 9].

Указанные оценки, не подкрепленные детальным юридическим анализом правоприменительной практики, свидетельствуют о серьезном идеологическом влиянии на правотворческую и научную деятельность. Между тем внимательное изучение истории и современного состояния уголовного судопроизводства позволяет усомниться в безупречности состязательной модели и политической организации английского и американского общества. Так, в Англии до второй половины XVI в. за вердикты, с которыми не соглашались королевские судьи, присяжных наказывали розгами и штрафами. А декларативная концепция об осуществлении преследования частными лицами не выдержала испытания временем. Поддержание обвинения частными лицами встречается крайне редко. Созданный в 1908 г. Департамент публичных преследований к 1966 г. поддерживал 1–2 % уголовных преследований. В остальных случаях полиция нанимала адвокатов для поддержания обвинения в суде. Следствием этого стало создание Королевской службы преследований [10, с. 59, 62, 64]. Подобных примеров, когда идеалистические представления не соответствуют реалиям функционирования состязательного процесса, немало и в современной правоприменительной практике. Так, в США в период с 2019 по 2021 г. обвинение снималось (либо лицо оправдывалось) только в 1 случае из 10 вопреки распространенному мифу о высокой доле оправдательных приговоров [11, с. 4]. Это связано с примене-

нием по подавляющему большинству дел сделки о признании вины, в результате чего полноценное судебное разбирательство с использованием состязательных процедур стало скорее исключением, чем правилом [12, с. 282].

Отдельные наиболее прогрессивные положения, например презумпция невиновности, были заимствованы англо-американским правом из континентального уголовного процесса. При этом, обладая рядом архаичных черт, оно, претендуя на лидерство, зачастую направляет усилия на критику конкурирующих систем, не признавая собственные системные проблемы [13, с. 32].

В современных условиях почти религиозная вера в совершенство состязательного процесса требует переосмысления. В поисках оптимального соотношения следственного и состязательного начала необходимо основываться не на идеологических мифах, а на тщательном анализе условий функционирования тех или иных институтов, правоприменительной практике, возможности гармоничного встраивания зарубежного опыта в российское законодательство.

Представляется, построение российского уголовного процесса возможно только на основе континентальной традиции. Включение элементов состязательности, возможно, и необходимо, но исключительно как средство установления истины, обеспечения разумного баланса частных и публичных интересов с учетом публично-правовой природы российского уголовного процесса.

Список библиографических ссылок

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1. URL: <https://base.garant.ru/6318369/> (дата обращения: 07.10.2025).
2. Божьев В. Т. Тихая революция Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.
3. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.]; под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1326 с.
4. Полянский Н. Н. Судебное законодательство Учредительного и Законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789–1792 гг.) // Советское государство и право. 1939. № 5. С. 73–89.
5. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград: Право, 1916. 597 с.
6. Миттермайер К. Ю. А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. СПб.: Издательство А. С. Ункавского, 1864. 446 с.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Типография товарищества «общественная польза», 1912. 564 с.
8. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Ярославль, 1991. 269 с.
9. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
10. Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. ИКД «Зерцало-М», 2001. 480 с.
11. Барабанов П. К. Уголовный процесс в США. М.: Спутник +, 2023. 730 с.

12. Иванов А. А. Правовое регулирование сделок о признании вины в США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2. С. 282–286.

13. Головки Л. В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 32.

© Козловский П. В., 2026

ДОКАЗЫВАНИЕ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Стадия возбуждения уголовного дела – начальная стадия уголовного процесса, в необходимости существования которой в научных кругах нет однозначного мнения на сегодняшний день. Вместе с тем на указанной стадии властными субъектами принимаются решения, которые либо запускают механизм уголовного преследования, имеющий для участников уголовного судопроизводства существенные правовые последствия, либо отказываются от такового, а значит, вопросы, возникающие в ходе реализации положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих указанную стадию, являются не только интересными с теоретической точки зрения, но и практико-ориентированными.

Законодатель в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил, что компетентные органы принимают решение по совершенному или готовящемуся преступлению только после проверки сообщения о противоправных действиях, то есть, как нам видится, после установления фактических данных о произошедшем событии и их анализа.

Познавательной-удостоверительной деятельностью властных субъектов, протекающая в определенной законом процессуальной форме и направленная на установление значимых для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств, является уголовно-процессуальным доказыванием [1, с. 90]. Доказывание осуществляется и для принятия компетентным лицом иного законного процессуального решения, в том числе на этапе возбуждения уголовного дела.

В науке уголовного процесса имеет место мнение о том, что на этапе возбуждения уголовного дела доказывание не осуществляется. Считаем, что такое мнение идет вразрез с логикой законодателя и правоприменительной деятельностью сотрудников правоохранительных органов. Однако на этой стадии по сравнению со стадией предварительного расследования доказывание имеет свои особенности.

Так, пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела сводятся к установлению достаточных данных, указывающих на признаки преступления либо отсутствие этих признаков. По уголовному же делу доказыванию подлежит более широкий перечень обстоятельств, указанный в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, что вполне логично ввиду того, что уголовное преследование уже начато.

Специфичны для анализируемой стадии уголовного процесса и способы собирания доказательств, закрепленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, список которых на протяжении последних 20 лет законодателем неоднократно расширялся путем включения в него новых следственных и процессуальных действий.

В частности, на этапе возбуждения уголовного дела сотрудники компетентных органов вправе получать у лиц объяснения. Более ни про порядок получения объяснения, ни про права и обязанности лиц, у которых берется объяснение, законодатель не упоминает. И как нам кажется, зря, ведь при проверке сообщения о преступлении часто правоохранительные органы получают информацию о противоправном деянии именно путем опроса лиц. А если лицо безосновательно отказывается предоставлять информацию о преступлении? Или же сообщает не соответствующие действительности сведения? Промедление в получении информации о преступлении либо получение недостоверной информации при условии проведения проверки сообщения о преступлении в ограниченные процессуальные сроки (не более 30 суток) может повлечь принятие властным субъектом незаконного решения и тем самым привести к нарушению как законных прав и интересов лица, потерпевшего от преступления, так и лица, подозреваемого в совершении преступления.

На основании изложенного выразим согласие с авторами, считающими, что уголовно-процессуальное законодательство следует дополнить следующим понятием – «лицо, привлекаемое для дачи объяснения», с изложением его процессуальных прав и обязанностей [2, с. 95]. А порядок получения объяснений, как видится, может быть аналогичен порядку, закрепленному в ст. 164 166 УПК РФ.

Кроме того, законодатель наделил властные органы правом на этапе возбуждения уголовного дела при необходимости изымать образцы для сравнительного исследования у физических лиц и представителей юридических лиц. В данном случае в законе удачно оговорено, что указанное следственное действие производится не только в отношении участников уголовного судопроизводства, которые появляются уже после возбуждения уголовного дела, но и в отношении иных лиц.

Непонятно, по какой причине законодатель не сделал подобную оговорку и в отношении такого следственного действия, как освидетельствование. Ведь исходя из содержания ч. 1 ст. 179 УПК РФ, освидетельствование производится в отношении таких участников уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, коих еще нет на этапе возбуждения уголовного дела. Однако в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела указанное следственное действие может производиться. Но в отношении кого? По всей видимости, также в отношении иных физических лиц, имеющих отношение к проверяемому сообщению о преступлении.

Законодательно никак не урегулирована ситуация, нередко возникающая в практической деятельности при проведении проверки сообщения о преступлении, при которой лицо отказывается от прохождения освидетельствования либо от предоставления образцов для сравнительного исследования, когда процессуальные статусы лиц еще не определены. Думается, что при условии законности требований властного субъекта и с учетом принципов уголовного судопроизводства в этом случае конституционные права отдельного гражданина могут быть ограничены.

Еще одним способом собирания доказательств компетентными органами на этапе возбуждения уголовного дела является изъятие предметов и документов. При этом порядок изъятия в законе не закреплен, указано лишь, что он должен быть установлен УПК РФ.

Одно из наиболее распространенных следственных действий, результатом которого является изъятие предметов и документов, – это выемка. Однако ее законодатель в ч. 1 ст. 144 УПК РФ прямо не называет, а в ч. 1 ст. 183 указанного нормативно-правового акта и вовсе установлено, что выемка производится по уголовному делу. Исходя из этого, неясно, можно ли проводить выемку на этапе возбуждения уголовного дела. Считаем, что у властного субъекта на указанном этапе уголовного процесса имеются иные механизмы, с помощью которых возможно произвести изъятие интересующих объектов, в частности производя осмотр места происшествия. Поэтому необходимости в проведении именно выемки у правоприменителя нет.

Кроме того, законодатель закрепил право властного субъекта назначать судебную экспертизу в рамках проведения проверки сообщения о преступлении. А поскольку, как уже отмечалось, на данном этапе у участвующих лиц не определен их процессуальный статус, и, соответственно, их права и обязанности не имеют четких границ, дабы не нарушать в последующем их интересы, законодатель сразу оговорил, что если после возбуждения уголовного дела сторонами будет заявлено ходатайство о проведении повторной либо дополнительной судебной экспертизы, то оно подлежит удовлетворению.

Такая безусловная обязанность дознавателя, следователя может быть использована сторонами уголовного процесса как способ затянуть срок предварительного расследования, что уничтожает саму идею законодателя об экономии процессуальных сроков и оптимизации уголовного судопроизводства.

Как известно, дополнительная и повторная экспертизы назначаются при указанных законодателем условиях. Поэтому при заявлении стороной защиты или потерпевшим ходатайства о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы следует установить, является ли ходатайство обоснованным, в частности, являются ли значимыми для расследования уголовного дела поставленные указанными сторонами уголовного судопроизводства вопросы эксперту. При установлении несоответствия поставленных вопросов обстоятельствам уголовного дела в таком ходатайстве следует полностью отказать.

Очевидно, что более полного законодательного регулирования требуют вопросы проведения процессуальных и следственных действий на этапе возбуждения уголовного дела. То, чем пользуется правоприменитель сейчас, – хаотично сформированные нормы права и внутренние убеждения самих властных субъектов, а также предшествующий профессиональный опыт. Вместе с тем такая ситуация недопустима, поскольку сведения, полученные на этапе возбуждения уголовного дела, могут быть в последующем использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Список библиографических ссылок

1. Уголовный процесс: учебник. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. М. С. Колосович, Л. В. Поповой. Волгоград: ВА МВД России, 2023. С. 90.
2. Савельева Н. В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2019. 95 с.

Кульчарова Альбина Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА)
ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ**

Достижение целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования, снижение уровня преступности в сфере использования водных и водных биологических ресурсов относятся к одним из важных задач государственной политики нашего государства [1].

Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) занимает центральное место в структуре экологической преступности. Данное деяние нарушает оптимальное состояние водных биоресурсов, их экологическое равновесие, условия сохранения и выживания популяции водных животных.

Расследование преступлений обозначенной категории требует серьезного квалифицированного подхода и качественного сбора доказательственной базы. Количество оправданных и реабилитированных лиц по данной статье обвинения ежегодно составляет не менее 1 % от общего числа рассмотренных уголовных дел [2, с. 83].

Так, до настоящего времени законодательно не определены четкие критерии, разграничивающие уголовно наказуемое деяние, квалифицируемое по пп. «б, в, г» ч. 1 ст. 256 УК РФ, и административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ. Данные нормы коррелируют между собой, поскольку как уголовная, так и административная ответственность по ним наступает в случае нарушения лицом правил, регламентирующих рыболовство. В обоих случаях необходимо выяснить, в чем конкретно было выражено деяние и какие именно нормативно-правовые акты, регулирующие осуществление рыболовства, были нарушены.

В примечании к ст. 256 УК РФ обозначен размер ущерба, который должен быть причинен водным биологическим ресурсам для квалификации действий виновного лица по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, относящийся к крупному и составляющий более 100 тыс. руб. В нем также определен особо крупный ущерб в размере 250 тыс. руб. для ч. 3 ст. 256 УК РФ. Неясным остается размер ущерба, причиняемый водным биологическим ресурсам по преступлению, предусмотренному пп. «б, в, г» ч. 1 ст. 256 УК РФ.

Думается, что уточнение в российском уголовном законе суммы ущерба, причиняемого водным биологическим ресурсам в результате их незаконной добычи (вылова), позволит дифференцировать деяния, предписанные нормами УК РФ и КоАП РФ.

Другая важная проблема при доказывании преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 256 УК РФ, заключается в необходимости не только установления вида примененного орудия лова или способа вылова, но и выявления последствий, которые могли бы наступить при их применении с учетом конкретных обстоятельств дела

и повлечь массовую гибель водных биологических ресурсов, отрицательно повлиять на среду их обитания [3].

К сожалению, не каждый специалист или эксперт в области ихтиологии обладает соответствующими познаниями и может дать категоричные выводы о возможном наступлении обозначенных последствий. В итоге виновное лицо получает возможность избежать уголовной ответственности.

Вопрос трактовки понятия «способ массового истребления водных биологических ресурсов» остается дискуссионным до сегодняшних дней [4]. Его определение не дается ни в одном нормативно-правовом акте. Уголовно-правовая оценка действий, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов лицом с применением самоходного транспортного плавающего средства либо в местах нереста или на миграционных путях к ним, либо на особо охраняемых природных территориях, осуществляется только посредством привлечения соответствующих специалистов либо экспертов, обладающих компетенциями по исследованию свойств орудий лова или примененных способов добычи (вылова) водных биоресурсов.

Аналогичные трудности при квалификации действий лиц по ст. 256 УК РФ вызывает вопрос о наличии квалифицирующего признака, связанного с применением при совершении преступления самоходного транспортного плавающего средства. Данное средство должно быть оснащено двигателями или иными конструкциями, приводимыми в движение с помощью мотора, а также использовано как орудие добычи водных биологических ресурсов [3]. Однако зачастую в судебной практике виновное лицо в целях маскировки проводимых преступных действий использует самоходное транспортное плавающее средство (к примеру, моторную лодку), чтобы беспрепятственно (не затрачивая силы на приведение лодки в движение с помощью весел) подплыть на нем к месту преступления и быстро скрыться после реализации противоправных целей или в момент обнаружения и выявления его незаконной деятельности сотрудниками правоохранительных органов. При этом в непосредственный момент совершения незаконных действий (при погружении орудия лова в воду и его извлечении из воды вместе с уловом) самоходные свойства транспортного средства данным лицом не применяются, чтобы не создавать шум (от работающего мотора лодки) и не привлекать к себе внимания посторонних лиц. Таким образом, сам факт использования самоходных транспортных плавающих средств виновным лицом имеет место быть и их применение облегчает ему совершение преступления, но такие действия не подлежат квалификации по искомому признаку.

На основании вышеизложенного полагаем, что перечисленные проблемы доказывания по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 256 УК РФ, следует непременно решать путем внесения соответствующих законодательных изменений.

Список библиографических ссылок

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

2. Пархоменко С. В., Лазук Д. С. К вопросу о разграничении малозначительных деяний (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и иных правонарушений // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 81–86.

3. О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258.1 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 (ред. от 31.10.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107129/?ysclid=mnooab592v498231869 (дата обращения: 10.10.2025).

4. Бохан О. Ю., Гайфулин Р. И. Привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 256 УК // Законность. 2025. № 1. С. 64–65.

© Кульчарова А. В., 2026

ЭКСПЕРТ ИЛИ СПЕЦИАЛИСТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

Уголовное судопроизводство как динамичная система, подвижность которой обусловлена постоянно сменяющимися друг друга уголовно-процессуальными отношениями¹, требует от участников этих отношений соответствующего их правовой природе и направленности деятельности процессуального статуса. Вступая в те или иные отношения в ходе уголовного производства, субъекты, ранее обладавшие определенным процессуальным статусом, могут изменить его под давлением потребностей нового этапа производства, вновь развивающихся в его русле уголовно-процессуальных связей, которые диктуют определенный состав участников уголовного процесса для реализации тех или иных функций и решения конкретных задач уголовного судопроизводства.

Тонко подмечено И. И. Ахматовым, что «возникновение процессуального статуса и его изменение должны происходить исключительно в уголовно-процессуальных правоотношениях при наличии определенных УПК РФ юридических оснований (юридико-фактический комплекс) и посредством правоприменительной деятельности властного субъекта» [1, с. 11]. Это означает, что только правоприменитель с учетом динамики уголовно-процессуальной деятельности реализует трансформацию статусов участников уголовного судопроизводства – частных лиц.

Мы склонны рассматривать явление трансформации уголовно-процессуальных статусов в двух разных аспектах: 1) *законодательном*, когда речь идет о совершенствовании (или любой корректировке) норм, закрепляющих правовое положение того или иного участника уголовного судопроизводства; 2) *деятельностном*, когда в связи с изменением уголовно-процессуальных отношений участник приобретает новые качества, новые функции и полномочия (права) для их реализации, а порой иначе проявляет свой интерес в уголовном деле. Именно в русле деятельностного подхода мы и будем излагать дальнейшие наши рассуждения.

Среди участников уголовного судопроизводства в контексте трансформации процессуальных статусов несомненный исследовательский интерес представляют две фигуры сведущих лиц², условно относимые к лицам, содействующим правосудию [4, с. 15], которых отличает особое свойство – обладание специальными знаниями, наличие которых и обуславливает вовлечение их в уголовно-процессуальные

¹ Неслучайно И. И. Ахматов именует уголовно-процессуальным правоотношением форму развития уголовного процесса, регламентированную нормами уголовно-процессуального права [1, с. 10].

² Данный термин мы используем, отдавая дань научному творчеству В. Н. Махова [2, с. 5] и Ю. К. Орлова [3], которые обосновали необходимость обозначения им разных категорий участников уголовного процесса (и не только), обладающих специальными познаниями.

отношения в таковом качестве. Попробуем проанализировать проявление трансформации уголовно-процессуальных статусов эксперта и специалиста, тем более что эти уникальные участники уголовного процесса могут на протяжении всего производства по уголовному делу неоднократно вступать в уголовно-процессуальные отношения, идентифицируя себя либо как эксперты, либо как специалисты.

От чего зависит конкретный статус сведущего лица, участвующего в уголовном производстве? Вопрос непростой, ибо, обращаясь за помощью к лицу, обладающему специальными познаниями, властный субъект должен понимать цели его привлечения и конечный результат его процессуальной деятельности. К сожалению, в уголовно-процессуальной науке по этому поводу существуют противоречивые высказывания, которые затрудняют адекватное правоприменение в следственной ситуации, диктующей необходимость участия в доказывании компетентных лиц, обладающих специальными познаниями. Повод к тому дает сам законодатель, который формулирует невнятную позицию относительно кардинальной (а мы считаем, что она именно кардинальная) разницы между экспертом и специалистом. Обращение к тексту закона показывает два острых момента в регламентации деятельности специалиста, которые как раз и вызывают вышеуказанные разночтения:

1) законодатель не наделяет специалиста правомочием осуществлять специальные исследования в рамках уголовно-процессуальной деятельности (такой вывод делается при сопоставительном анализе ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ [5], содержащих нормативные определения доказательств – заключения эксперта и заключения специалиста, о чем пишут многие ученые-процессуалисты и криминалисты [6, 7, 8]);

2) законодатель упоминает возможность исследования в нормах, посвященных участию специалиста в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 58, п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ), что вызывает возражение с точки зрения смешения функций эксперта и специалиста у многих авторов [9, с. 208; 10].

Несмотря на существование в УПК РФ последних указанных норм, которые в той или иной мере ассоциируют специалиста с исследованиями, мы все-таки склонны разделить позицию авторов о недопустимости проведения исследований специалистами [11; 12, с. 76; 13, с. 86]. Руководствуемся мы при этом правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, который на фоне невнятности концепции специалиста, отраженной в УПК РФ, четко сориентировал практику: нужно назначать судебную экспертизу «во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста» [14].

Таким образом, первично статус сведущего лица предопределяется целями его вовлечения в уголовное судопроизводство: если он приглашен для производства исследования на основе экспертной методики с целью дачи заключения, то статус его однозначно обозначается как судебного эксперта согласно ст. 57 УПК РФ. Соответственно, если он приглашен для участия в следственных (судебных) действиях для содействия властному субъекту в обнаружении и фиксации различных объектов со следами выявления обстоятельств происшедшего события, запечатления хода

следственного (судебного) действия, консультирования по специальным вопросам в письменной или устной форме, налицо специалист как участник уголовного процесса согласно ст. 58 УПК РФ.

При этом привлеченный следователем к производству осмотра места происшествия в рамках проверки сообщения о преступлении специалист потом на основании постановления следователя о назначении судебной экспертизы может приобрести статус судебного эксперта. И в этой ситуации нужно иметь в виду, что для эксперта и специалиста подобная трансформация возможна исключительно в рамках производства конкретного следственного действия – в зависимости от того, с какой целью и в каком качестве его пригласили применять специальные познания. Так, лицо, которое изначально участвовало в осмотре места происшествия, а впоследствии по этому делу провело судебную экспертизу, потом вновь может поучаствовать в следственных действиях в качестве специалиста, будучи включенным по графику дежурств в следственно-оперативную группу. А далее его могут пригласить на допрос как эксперта для разъяснения данного им заключения (ст. 205 УПК РФ). В зависимости от целей привлечения к участию в уголовном производстве лицо трансформирует свой статус: специалист – эксперт – специалист – эксперт. При этом для первоначальной процессуальной фиксации статуса лица как судебного эксперта требуется вынесение постановления (определения) о назначении судебной экспертизы. В дальнейшем, приобретая экспертный статус, лицо в таковом качестве приглашается для дачи показаний вне зависимости от того, успело оно (может быть, и неоднократно) поучаствовать в деле в качестве специалиста или нет.

Предыдущее участие лица в процессе в качестве специалиста (эксперта) не препятствует ему снова по этому же делу осуществлять функции эксперта (специалиста). По этому поводу поясним, что не всегда существовала такая «удобная» формула трансформации. Ранее в п. 3 «а» ст. 67 УПК РСФСР 1960 г. [15] было установлено нелогичное ограничение¹ для специалистов в части трансформации их статусов в экспертов (при этом запрет не распространялся на судебно-медицинских экспертов, которые могли участвовать и в осмотре трупа как специалисты, а потом проводить по этому делу судебно-медицинскую экспертизу трупа). Полагаем, современное нормативное регулирование, которое специально оговаривает эту ситуацию (весьма непростую для уголовно-процессуального правоприменения советского периода) в полной мере отвечает потребностям практики: «Предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве специалиста не является основанием для его отвода» (ч. 2 ст. 71 УПК РФ).

От трансформации уголовно-процессуальных статусов экспертов и специалистов следует отличать участие в оперативно-разыскных и административных мероприятиях сведущих лиц – сотрудников экспертных подразделений, которые, действуя в рамках служебных обязанностей и руководствуясь положениями ведомственных актов [18], применяют свои специальные познания в непроцессуальной форме, проводят «предварительные исследования» (п. 39 Наставления) и «исследования

¹ Данное ограничение нашло обоснованную критическую оценку в ряде работ [16, с. 11; 17, с. 12].

объектов» (п. 55 Наставления), оформляют их результаты непроцессуальным актом – справкой об исследовании [10; 19, с. 8; 20, с. 8]. Сведущие лица в таком случае не приобретают в момент производства исследования процессуальный статус эксперта, они действуют в рамках административных или оперативно-разыскных отношений, регулируемых нормами того самого Наставления или Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [21]. Необходимо при идентификации правового статуса сведущего лица учитывать именно отраслевую природу правоотношений, в которых они реализуют свои специальные знания. Однако ряд авторов этот аспект игнорируют, ошибочно полагая, что специалист, участвующий в осмотре места происшествия, если он осуществляет исследование объектов, обнаруженных в ходе этого следственного действия, в момент этого исследования продолжает реализовывать уголовно-процессуальный статус [22, с. 108; 23, с. 351]. Эти авторы забывают, что данная деятельность регулируется не нормами УПК РФ, а нормами иных отраслей права, на что справедливо указала Е. А. Зайцева [7, с. 76–77].

Таким образом, подводя итог анализу трансформации уголовно-процессуальных статусов эксперта и специалиста, мы можем констатировать следующее:

1. Подобная трансформация возможна только в рамках уголовно-процессуальных отношений, в связи с чем к ней не имеют отношения ситуации с участием сведущего лица в проведении непроцессуальных предварительных исследований и исследований объектов.

2. Трансформация возможна, если сведущее лицо привлекается к уголовному производству с иной целью, чем ранее было обусловлено его участие в деле.

3. Для трансформации статуса специалиста в эксперта требуется вынести специальное постановление о назначении судебной экспертизы, чтобы закрепить статус сведущего лица как эксперта.

4. Основания для отвода специалиста и эксперта не предусматривают ситуацию с трансформацией их процессуальных статусов.

Список библиографических ссылок

1. Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 254 с.

2. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. М.: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.

3. Орлов Ю. К. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 36–37.

4. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=moi77k0w7p90746051 (дата обращения: 23.03.2026).

6. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: науч.-учеб. пособие. М.: Проспект, 2016. 213 с.
7. Зайцева Е. А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: матер. V Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 11–13 апреля 2013 г. Курск: ЮЗГУ, 2013. С. 73–79.
8. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 647 с.
9. Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском процессе. М.: Юрлитинформ, 2016. 384 с.
10. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4 (28). С. 16–24.
11. Зайцева Е. А. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2011. Гл. 6. 380 с.
12. Раимжанова Н. А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 263 с.
13. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 237 с.
14. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/?ysclid=mnpm6vospn996108024 (дата обращения: 23.11.2025).
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
16. Серов В. А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 17 с.
17. Зайцева Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1994. 271 с.
18. Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности. Утверждено приказом МВД России от 11.01.2009 № 7 (в ред. от 09.03.2023). URL: <https://base.garant.ru/72341002/> (дата обращения: 23.11.2025).
19. Сыромля Л. Б. Предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2017. 26 с.
20. Ручкин В. А., Фирсов Г. В., Шукуров Р. Н. Участие специалистов (экспертов) в процессуальных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях: практикум. Волгоград: ВА МВД России, 2022. 240 с.

21. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=mnprminppfv182239693 (дата обращения: 23.11.2025).

22. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М., 2011. 256 с.

23. Криминалистика: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. Д. Зеленского и д-ра юрид. наук, профессора Г. М. Меретукова. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2015. 704 с.

© Потапова Е. С., 2026

Семенкова Евгения Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Сегодня институт специальных знаний представляется неотъемлемой частью уголовного процесса, без которого невозможно доказывание по многим категориям дел. Но так было не всегда: истоки данного института лежат в теории судебной экспертизы и криминалистике. Однако впоследствии ученые-процессуалисты также заинтересовались данным институтом. Первым в теории уголовного процесса специальные знания определил А. А. Эйсмэн, который сделал упор на общедоступность и общеизвестность знаний, указав, что специальные знания – это те, которыми обладает ограниченный круг лиц (специалистов) [1, с. 91]. И. И. Трапезникова определила специальные знания как «систему научно обоснованных и практически апробированных знаний, теоретического и прикладного характера (исключая специальные знания в области права, связанные с уголовно-правовой оценкой обстоятельств уголовного дела и с принятием решений процессуального характера) и специальных умений, используемых сведущими лицами в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом» [2, с. 6]. Е. В. Елагина высказывается о необходимости включения в такую систему знаний в области юриспруденции в связи с разрастанием различных отраслей права и детальной правовой конкретизацией правоотношений в различных сферах общества [3, с. 9]. При этом нельзя не согласиться с Е. Р. Россинской, которая делает акцент на изменчивости соотношения специальных и общедоступных знаний в зависимости от уровня развития общества, интегрированности научных знаний в социум, а также от субъективных данных отдельной личности, ее жизненного и профессионального опыта [4, с. 33]. Не вдаваясь в длительные дискуссии, отметим, что данный вопрос будет оставаться дискуссионным, пока он не будет разрешен на законодательном уровне, и понятие специальных знаний не найдет свое определение в уголовно-процессуальном законе.

Основными участниками применения специальных знаний в уголовном процессе выступают специалист и эксперт. Так, в соответствии со ст. 57, 58 УПК РФ эксперт и специалист обладают специальными знаниями, но первый назначается для производства судебной экспертизы, а второй привлекается для участия в процессуальных действиях. Следовательно, основной формой использования специальных знаний можно назвать судебную экспертизу, благодаря которой лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, получает такое доказательство, как заключение эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), посредством которого устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Участие специалиста играет

вспомогательную, но крайне важную роль на всех стадиях процесса: от следственных действий до судебного разбирательства. Понимание различий между этими формами и их процессуальными возможностями критически важно для всех участников уголовного судопроизводства: следователей, защитников, прокуроров и судей. Особую роль данные формы приобретают при осуществлении производства о применении принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ).

Статистические данные свидетельствуют о стабильном удельном весе уголовных дел, по которым судами назначаются ПММХ. Эта доля сохраняется на неизменно низком уровне вопреки прогнозам экспертов о потенциальном увеличении распространенности психических расстройств в обществе. Согласно официальной отчетности на дела о применении ПММХ ежегодно приходится лишь 1,1–1,4 % от общего числа уголовных дел, поступивших в суды. Динамика за последние годы иллюстрирует эту тенденцию: в 2019 г. было рассмотрено 8 047 таких дел из 731 667 (1,09 %), в 2020 – 7 456 из 676 181 (1,1 %), в 2021 – 8 019 из 652 569 (1,22 %), в 2022 – 8 208 из 636 131 (1,29 %), в 2023 – 8 198 из 576 206 (1,42 %), а в 2024 – 8 052 из 659 878 (1,22 %) [5]. Учитывая, что подобные производства являются неотъемлемым элементом следственной и судебной практики, объективная потребность научных изысканий в данной области продолжает оставаться на пике актуальности. Вне зависимости от объектов исследований их цель всегда кроется в разработке дополнительных гарантий, обеспечивающих защиту прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ.

Особенности предмета доказывания производства о применении ПММХ диктуют лицам, осуществляющим расследование, обязательное использование специальных знаний. В соответствии с пп. 4, 5 ч. 2 ст. 434 УПК РФ обязательному установлению по рассматриваемой категории дел подлежат обстоятельства, связанные с наличием психического расстройства у лица, их характером, степенью в прошлом, в момент совершения деяния и при производстве по уголовному делу, а также опасность психического расстройства как для самого лица, так и для иных лиц и возможность причинения иного существенного вреда ввиду имеющегося расстройства. Необходимость установления данных обстоятельств напрямую связана как с объективностью осуществления самого производства, так и с необходимостью применения той или иной ПММХ. Наряду с этим одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию, выступает характер и степень психического расстройства в момент осуществления производства по уголовному делу, что продиктовано целесообразностью его вовлечения в уголовный процесс.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает гарантии реализации прав лицом, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ. Согласно ст. 437 УПК РФ такому лицу должна быть предоставлена возможность лично реализовывать права подозреваемого (обвиняемого) в зависимости от его психического состояния. При этом такая возможность устанавливается следователем с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы и в случае необходимости – медицинского заключения медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Закон ставит прямую зависимость между участием

лица в уголовном процессе и заключениями лиц, обладающих специальными знаниями. Однако, несмотря на столь явную зависимость решения следователя от выводов лиц, обладающих специальными знаниями, следует помнить, что заключения эксперта или специалиста являются доказательствами, которые должны подвергаться оценке наравне с иными доказательствами, собранными по уголовному делу [6].

В случае если следователь усомнился в объективности и достоверности выводов экспертов-психиатров, он должен назначить повторную экспертизу, которая должна разрешить все сомнения должностного лица. Однако при получении заключения повторной экспертизы необходимо аргументировать, выводам каких экспертов склонен доверять следователь и почему отдает предпочтение именно этим выводам, а не иным.

Заключение судебно-психиатрической экспертизы должно учитываться при оценке психического состояния лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, но не должно быть определяющим, так как оценке должны подвергаться и иные факторы (одежда, поведение, место совершения деяния, цели и мотивы его совершения и т. д.). Именно поэтому законодатель предусмотрел возможность учета медицинского заключения организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Как правило, в такую организацию лица помещаются после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы, по результатам которой психическое состояние лица требует такого помещения (ст. 435 УПК РФ).

В отличие от заключения судебно-психиатрической экспертизы медицинское заключение организации, где лицу оказывают психиатрическую помощь в стационарных условиях, представляется весьма туманным. Во-первых, вопрос вызывает правовая природа такого заключения. Возможно ли отнести данный документ к заключению специалиста и какой должна быть его форма? Во-вторых, не ясен механизм получения такого заключения. Должен ли следователь какими-то процессуальными средствами инициировать его получение? В каких случаях медицинская организация должна представлять такое заключение? В-третьих, при противоположных мнениях, изложенных в экспертизе и в заключении, как следует разрешить вопрос о реализации прав подозреваемого (обвиняемого) лицом, в отношении которого осуществляется производство о применении ПММХ? Однако достоверно следует отметить, что при наличии таких противоречий следует назначить и провести повторную судебно-психиатрическую экспертизу, до получения заключения которой следует оставить открытым вопрос о правах.

Осуществление производства о применении ПММХ невозможно без привлечения специальных знаний в области судебной психиатрии, что еще раз подчеркивает значимость данного института для теории и практики уголовного процесса. Несмотря на существующие организационные и процедурные трудности, связанные с привлечением экспертов-психиатров и получением их заключений, именно их специальные знания выступают ключевым условием для разрешения целого ряда процессуальных вопросов. Без компетенции специалистов в области судебной психиатрии правоприменитель лишается возможности квалифицированно решать такие фундаментальные вопросы, как обоснованность возбуждения производства о применении

ПММХ, определение процессуальной дееспособности лица, избрание адекватной меры медицинского характера, а также принятие решения о прекращении дела в случае, если лицо не представляет общественной опасности.

Список библиографических ссылок

1. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. 152 с.
2. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России: понятие, признаки, структура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 24 с.
3. Елагина Е. В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 115 с.
4. Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 33–34.
5. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.10.2025).
6. Суховерхова Е. В. К вопросу об оценке заключения судебно-психиатрической экспертизы // Юридическая мысль. 2014. № 1 (81). С. 109–115.

© Семенкова Е. В., 2026

Тимченко Павел Андреевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Процессуальная возможность производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении стала относительным нововведением в уголовно-процессуальном законодательстве, хотя вопрос о ее возможности на начальной стадии уголовного процесса обсуждался научным сообществом процессуалистов на протяжении многих лет.

Так, профессор М. С. Строгович в своих трудах указывал на сравнительную близость экспертизы и «ведомственного обследования», которые по своей сути близко соприкасаются в предмете исследования и могут проводиться в рамках различного рода внутриведомственных инспекций, однако ввиду процессуальных особенностей и правоприменительной практики не могут быть заменены один другим.

С ростом квалифицированности преступности стал очевиден и технический прогресс в ее изобличении, важной частью которого является использование специальных знаний путем производства судебных экспертиз, что в свою очередь веяло необходимостью процессуального расширения полномочий органов расследования при производстве уже проверки сообщения о преступлении, что в УПК РСФСР не регламентировалось, но нашло отражение в трудах ученых-процессуалистов.

Так, профессор Е. А. Зайцева еще в 1994 г., основываясь на результатах обобщения следственной практики, аргументировала объективную необходимость проведения экспертизы на этапе возбуждения уголовного дела, критикуя практику «предварительных исследований», в рамках которых составляются «справки эксперта».

В научных трудах также подчеркивалось, что проведение судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела позволит: во-первых, повысить законность и обоснованность окончательного решения, принимаемого по результатам проверки сообщения о преступлении; во-вторых, сделать данные, полученные на этом этапе, допустимыми доказательствами на последующих стадиях процесса, тем самым исключив дублирование действий с одинаковым содержанием.

Однако при введении в действие УПК РФ Законом от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ процессуальные полномочия органов расследования по назначению и производству судебной экспертизы не регламентировались, а лишь отчасти упоминались.

Перед принятием Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ вопрос производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела был довольно актуальным, притом что такая потребность в правоприменительной практике длительное время существовала в том числе по делам о незаконном обороте оружия, наркотических средств и ряда других преступлений.

Данным Федеральным законом ст. 144 УПК РФ была дополнена рядом изменений, которые, прежде всего, предоставили возможность дознавателю, органу дознания, следователю и руководителю следственного органа назначать судебную экспертизу в рамках рассмотрения органами, осуществляющими рассмотрение сообщения о преступлении, однако полноценного законодательного урегулирования указанные изменения так и не получили, что нашло свое отражение в трудах ученых-правоприменителей современности.

Так, профессор Б. Я. Гаврилов в своих трудах указывает на то, что правовые последствия результатов судебной экспертизы не изменились, так как ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предусматривает возможность назначения дополнительной или повторной судебной экспертизы в том случае, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено соответствующее ходатайство.

Рассматривая указанную позицию, автор, как и ранее в своих публикациях, отмечает тот неоспоримый факт, что по ряду составов преступления невозможно осуществить возбуждение уголовного дела при отсутствии заключения эксперта.

Между тем профессор С. А. Шейфер, выражая свою позицию, касающуюся принятия Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, считает эти нововведения не только изменяют смысл стадии возбуждения уголовного дела, ориентируя органы расследования на достоверное (а не на вероятное, как было раньше) установление состава преступления (не ограничиваясь установлением признаков преступления), но и практически смещают центр тяжести доказывания с предварительного расследования на стадию возбуждения уголовного дела.

Однако, по мнению автора публикации, расширение процессуальных полномочий правоприменителей на этапе проверки сообщения о преступлении легально лишь в том случае, когда будет расширен и процессуальный статус лиц-участников со стороны проверяемых или инициировавших проверку (заявитель, пострадавший, заподозренный).

Так, профессор Л. М. Володина неоднократно подчеркивала, что различия, связанные с вовлеченностью отдельных лиц – заявителя, потерпевшего и заподозренного – в процесс уголовного судопроизводства, а также различия в интересах, которые они защищают, требуют признания особого характера их участия. Такое участие должно сопровождаться специфическими процессуальными особенностями и обеспечением специальных гарантий защиты их прав и законных интересов, однако действующее законодательство не предусматривает ни одно из этих условий.

Между тем, высказывая свою позицию по вопросу расширения стадии возбуждения уголовного дела, С. Б. Россинский отмечает и тот факт, что с расширением перечня следственных и иных процессуальных действий, производство которых допустимо в ходе доследственной проверки, обусловленной объективными потребностями следственной практики, постепенно лишает эту стадию самостоятельности, превращая ее в своеобразное «квазирасследование».

Таким образом, подытожив вышесказанное, можно сформулировать выводы:

1) в условиях расширения полномочий органов, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях, представляется целесообразным законодательное закрепление полноценного процессуального статуса участников стадии возбуждения

уголовного дела. Это позволит не только уточнить их правовой статус, но и расширить перечень доступных средств для защиты собственных процессуальных прав и законных интересов;

2) процессуальный статус лиц – участников проверки сообщения о преступлении должен включать в себя прежде всего процессуальную возможность и допустимость ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, что позволит в полной мере исключить коллизионные проблемы нарушения прав участников процесса.

Все эти и иные возможные предложения позволят правоприменителям в полной мере реализовывать свои полномочия на стадии возбуждения уголовного дела, переходящего в предварительное расследование, и при этом они будут иметь ограничения, вызванные процессуальной формой прав участников проверки, что не позволит им выйти за ее пределы, а гражданам позволит в полной мере реализовать свое право на доступ к правосудию.

Библиографический список

1. Володина, Л. М. Возбуждение производства по уголовным делам: правовое регулирование, теория, практика : монография / Л. М. Володина. – М. : Проспект, 2025. – С. 143–144.

2. Гаврилов, Б. Я. О некоторых проблемах использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела / Б. Я. Гаврилов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2014. – № 3. – С. 8–14.

3. Зайцева, Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. А. Зайцева. – Волгоград, 1994. – С. 15.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156569/?ysclid=mnppddmr3a314273384 (дата обращения: 21.09.2025).

5. Россинский, С. Б. Возбуждение уголовного дела как автономная стадия российского уголовного судопроизводства: за и против / С. Б. Россинский // Вестник Урал. юрид. института МВД России. – 2021. – № 3 (31). – С. 51.

6. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учебник для юрид. ин-тов и фак-тов / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во, 1946. – С. 227.

7. Тимченко, П. А. К вопросу законодательного регулирования производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по матер. Международной науч.-практ. конференции, Академия управления МВД России, 3 ноября 2023 г. / П. А. Тимченко. М. : Академия управления МВД России, 2023. – С. 219.

8. Тимченко, П. А. Проблемы назначения судебных экспертиз на этапе проверки сообщения о преступлении // Уголовная политика и культура противодействия преступности : матер. Международной науч.-практ. конференции памяти профес-

сора В. Е. Квашиса, Краснодар, 29 сентября 2023 г. / П. А. Тимченко. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 435.

9. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография // 2-е изд., испр. и доп. С. А. Шейфер. М. : Норма, 2018. – С. 174.

© Тимченко П. А., 2026

РАЗДЕЛ 2
МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К БУДУЩЕМУ»
(21 НОЯБРЯ 2025 г.)

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, профессор

ПРИГОВОР СУДА:
ПРЕЗУМПЦИЯ ИСТИННОСТИ И ПРЕЗУМПЦИЯ НАДЕЖНОСТИ

Истинность приговора – одно из сущностных свойств, которое наряду с иными его свойствами (исключительностью, обязательностью, стабильностью, неизменностью, преюдициальностью) по действующему российскому уголовно-процессуальному законодательству должно признаваться со вступлением приговора в законную силу [1, с. 13; 2, с. 56]. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), отрывая русский уголовный процесс от инквизиционной парадигмы, определил, что окончательный приговор суда первой инстанции презюмируется как истинный в части выводов о доказанности фактических обстоятельств уголовного дела. Окончательным же считался приговор, который вошел в законную силу, что, к примеру, и было выражено в ст. 21 УУС: «Оправданный вошедшим в законную силу приговором надлежащего суда не может быть вторично подвергнут следствию и суду по тому же самому преступлению, если бы даже открылись к его изобличению новые обстоятельства» [3]. Иными словами, русский законодатель опирался на древнеримский постулат о том, что судебное решение принимается за истину («res iudicata pro veritate accipitur»), что в свою очередь в УУС выразилось в построении судебно-проверочных производств на основе признания принципа правовой определенности сообщающего и одновременно оправдывающего стабильность установленных судом обстоятельств спорного дела и, соответственно, самого приговора как акта правоприменения. Конечно, говоря об истинности приговора, авторы имеют в виду прежде всего истинность выводов суда по вопросам факта. Положения ст. 766 УУС устанавливали: «Судьи должны определять вину или невиновность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела» [3].

Именно это и показывает, что приговор – результат познавательной и творческой деятельности субъекта – правоприменителя, то есть суда. Доказывание и его выводы отражают в приговоре гносеологическую составляющую, а правовая оценка

этих выводов – аксиологическую составляющую. В результате мы и имеем не истину факта (он, как известно, и не истинный, и не ложный), а истинность суждения о факте. Кстати, термин «вердикт», используемый и в русском уголовном процессе, и в современном российском уголовном процессе, означает «истинно сказанное» (*veredictum*). В любом случае приговор – продукт, произведенный в результате правоприменительной и в целом правореализационной деятельности суда. Потому вполне уместно рассматривать приговор, как и любой правоприменительный акт, в качестве производного юридического факта, венчающего собой фактический состав из накапливаемых первоначальных юридических фактов – элементов такого состава. В качестве же первоначальных юридических фактов выступают: а) фактические обстоятельства дела, в том числе и главным образом обстоятельства, представляющие элементы конкретного состава преступления как сложного юридического факта; б) судебные действия, используемые сторонами и судом для доказывания этих обстоятельств; в) доказательства как средства установления фактических обстоятельств уголовного дела.

Выводы, сформулированные в приговоре, являются результатом познавательной и оценочной (мыслительной) деятельности суда как правоприменителя. Как уже отмечалось, такие выводы основываются на результатах доказывания и по этой причине приговор, вступивший в законную силу, считается истинным и имеющим преюдициальную силу (ст. 90 УПК РФ). Соответственно, в случае доказанности обвинения, вмененного подсудимому, обвинительный приговор опровергает презумпцию невиновности, что собственно и манифестировано в утверждении о том, что лицо признается виновным только обвинительным приговором, вступившим в законную силу.

Однако регламентация доказывания в судебном разбирательстве разная. Потому гносеологические основания приговора различаются в зависимости от формы судебного разбирательства. Одно дело – судебное разбирательство, где происходит исследование представленных сторонами доказательств в «полновесном» судебном следствии, по результатам которого суд и формирует свои выводы о доказанности / недоказанности обстоятельств дела, о виновности / невиновности подсудимого. Такое судебное разбирательство и в теории, и на практике обозначается термином «судебное разбирательство в общем порядке» (гл. 36–39 УПК РФ). Другое дело – сокращенное судебное разбирательство, в котором доказывание редуцировано настолько, что суд не исследует собственно обстоятельства вмененного подсудимому преступления (ст. 226.9, 316, 317.7 УПК РФ). Ясно, что в последнем случае постановленный приговор не может почитаться истинным. И это подтверждено самим законодателем, отказавшим таким приговорам в преюдициальной силе (ст. 90 УПК РФ).

При этом приговор, постановленный в сокращенном (особом) порядке судебном разбирательстве, как известно, не может пересматриваться по вопросам факта (ст. 317 УПК РФ). Однако от этого он по большому счету не перестает представлять собой акт индивидуального (поднормативного) правоприменения, притязającego на стабильность и на то, что им было завершено упорядочивание общественных отношений, что дало бы основание настаивать на правовой определенности результатов правоприменения. Но в истинности и преюдициальности ему отказано [4].

Если задаться целью апологии такого приговора как неизбежной данности дифференциации процессуальной формы, то что-то должно сохранить его «репутацию» как акта индивидуального (поднормативного) правоприменения, участвующего в общем потоке правового регулирования. В самом деле, возникает противоречие: с одной стороны, вопрос об истинности и связанной с нею правовой определенностью в части выводов об обстоятельствах уголовного дела «зависает», но с другой – уголовно-правовой спор считается разрешенным. В этой связи думается, что для преодоления такого противоречия должен быть применен некий апологический прием в виде введения в правовую ткань уголовного судопроизводства нового вида правовой презумпции, как предположения, основанного на вероятности. Такой презумпцией может быть презумпция юридической надежности признания обвиняемым своей вины и, как следствие, связанных с ним результатов упрощенного или сокращенного доказывания. Иначе говоря, нужно принять условное допущение, что результаты правоприменения в упрощенных производствах опираются на презумпцию юридической (формальной) надежности как признательных показаний обвиняемого, так и иных доказательств, которые согласовываются с такими показаниями. Ясно, что эта зыбкая конструкция легко опровержимая. Но если не исходить из этого предположения, то все правоприменительные выводы будут выглядеть откровенно сомнительными, то есть без формального покрова. И если так, то и презумпция невиновности такими приговорами однозначно не опровергается. И это при том, что такие приговоры случились как правореализационные результаты и вступили в законную силу. Так, представляется, что приговор, постановленный в общем порядке судебного разбирательства с доказыванием, нацеленным на опровержение презумпции невиновности или подтверждение невиновности, выступает как объективно истинный приговор, наделенный преюдициальной силой [5]. Приговор, постановленный в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства, считается формально истинным и надежным ровно настолько, насколько надежным считается признание обвиняемым своей вины.

Список библиографических ссылок

1. Грошевой Ю. М. Правовые свойства приговора – акта социалистического правосудия: учеб. пособие. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1978. 60 с.
2. Попова И. П. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7). С.50–59.
3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 17.09.2025).
4. Аширбекова М. Т. О презумпции юридической надежности формальной истины в уголовном процессе / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: матер. Всероссийской науч.-практ. конференции. 2018. С. 54–59.
5. Аширбекова М. Т. О двух истинах в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 20–22.

Бондарь Мария Михайловна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Несмотря на предпринятые законодателем шаги по совершенствованию уголовного судопроизводства, сфера уголовного преследования как самостоятельного направления процессуальной деятельности все еще нуждается в более детальной правовой регламентации. Это проявляется в отсутствии последовательности и логической связи между внесенными изменениями, которые в первую очередь затрагивают правовое положение субъектов, реализующих функцию уголовного преследования. При этом остается неясной позиция законодателя относительно того, является ли уголовное преследование самостоятельной уголовно-процессуальной функцией (ст. 15 УПК РФ не содержит указания на существование такой отдельной функции в уголовном судопроизводстве). Кроме того, дискуссионным является определение понятия «уголовное преследование» (п. 55 ст. 5 УПК РФ) и установление моментов его начала и окончания.

Статистические данные неоспоримо свидетельствуют о том, что ключевая роль в уголовном преследовании принадлежит сотрудникам, осуществляющим свою деятельность на этапе досудебного производства. Законодатель неустанно работает над оптимизацией правовых норм, определяющих деятельность субъектов, вовлеченных в досудебное уголовное преследование. Это подтверждается значительными корректировками законодательства, регулирующего досудебное уголовное судопроизводство, которые многие ученые-правоведы признают масштабными реформами [1–4].

Так, анализируя уголовное преследование, реализуемое в досудебном производстве следователем, обращают на себя внимание некоторые вопросы процессуальной самостоятельности, поскольку именно процессуальная самостоятельность и ее нормативные гарантии выступают существенным аспектом, гарантирующим объективность расследования. Укрепление процессуальной самостоятельности следователя и его способности отстаивать свои внутренние убеждения перед другими властными структурами в уголовном судопроизводстве требует оптимизации нормативного регулирования его полномочий. Это связано с тем, что в процессе взаимодействия с субъектами ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля следователь нередко сталкивается с необходимостью действовать вопреки своему внутреннему убеждению и логике проводимого им расследования.

Процессуальная самостоятельность следователя оказывается «под давлением», когда он (следователь) вынужден действовать в рамках надзора со стороны

прокуратуры, контроля со стороны суда и своего ведомства. Несмотря на вышеупомянутую реформу 2007 г., которая ослабила влияние прокурора на следствие, ведомственный контроль продолжает существенно ограничивать свободу действий следователя. Это особенно актуально для следователей органов внутренних дел, где процессуальная фигура следователя находится в сложной системе властеотношений. Многие авторы [5, с. 19–20; 6, с. 323] выражают обеспокоенность тем, что процессуальная самостоятельность следователя становится формальностью из-за многочисленных ограничений, включая необходимость согласования достаточно большого круга действий с руководителем следственного органа и судьей. Они указывают на существенный дисбаланс полномочий и недостаточную законодательную базу процессуальной самостоятельности. В то же время некоторые ученые [7, с. 59–61] считают, что определенный контроль со стороны руководства и прокуратуры необходим для эффективной организации следствия.

Правильной в данном случае видится позиция С. Д. Игнатова, который подчеркивает, что следователь «поставлен в зависимость» от мнения руководителя следственного органа, прокурора или судьи рядом нормативных «оговорок» и «условностей» [8, с. 105], которые сводят роль «самостоятельного следователя» к нулю, предопределяя для него функцию простого технического оформления принятых указанными должностными лицами решений. Представляется, что отсутствие у следователя надлежащего уровня процессуальной самостоятельности (фактической, а не номинальной) влечет за собой отсутствие у последнего инициативности в расследовании, ответственности за принятые решения.

Представляется, что для усиления позиции процессуальной самостоятельности следователя необходимо создать «запасной» механизм, позволяющий ему в необходимых случаях оспорить указания и решения руководителя следственного органа, которые противоречат его (следователя) правовой позиции по уголовному делу. Начать необходимо с расширения прав следователя на обжалование, предоставив возможность обжаловать указания руководителя следственного органа не только вышестоящему руководителю следственного органа, но и прокурору, внося изменения в ч. 3 ст. 39 УПК РФ. Кроме того, регламентировать четкий порядок разрешения такого «правового конфликта», предусмотрев правомочие прокурора (наряду с вышестоящим руководителем следственного органа) в случае согласия с возражениями следователя отменять незаконное указание руководителя.

Указанное выше позволит следователю надлежаще осуществлять функцию уголовного преследования, неся ответственность за принимаемые решения, имея процессуальную возможность отстаивать свою правовую позицию в рамках расследования по уголовному делу.

Продолжая рассуждение об осуществлении уголовного преследования уполномоченными субъектами уголовного процесса, необходимо отметить проблемное поле при реализации рассматриваемой функции органами дознания, которые правомочны осуществлять дознание, будучи управомоченным на такое производство, а также осуществлять неотложные следственные действия по «неподследственным» уголовным делам.

В контексте преследовательской деятельности, осуществляемой органами дознания, именно неотложные следственные действия являются одним из ключевых элементов уголовного преследования. Нормативная же регламентация данного института вызывает критику ввиду нечеткого разграничения между понятиями «неотложные следственные действия» (ст. 157 УПК РФ) и действия, выполняемые следователями и дознавателями в «безотлагательном порядке» по делам, относящимся к чужой подследственности (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Поскольку уголовное преследование реализуется и в том, и в другом случае, необходимо четко разграничить указанные понятия для более полного и всестороннего понимания сущности указанных действий, а значит и полноценного формирования доказательств в ходе их производства. Представляется, что цели производства указанных действий существенно отличаются. Необходимо нормативно закрепить цель неотложных следственных действий, которая заключается в обнаружении и фиксации следов преступления, а также доказательств, которые требуют незамедлительного закрепления, изъятия и исследования для установления лиц, совершивших преступление. Именно нормативное закрепление такой цели позволит отделить «неотложные следственные действия» в уголовном процессе от схожего понятия «действий, проводимых в безотлагательном режиме», которые верно предложил именовать М. М. Сеидов как «необходимые следственные действия» [9, с. 171].

Таким образом, детальное нормативное регулирование изложенных правомочий следователей и дознавателей позволит более четко и однозначно толковать нормы уголовно-процессуального закона, следовательно, оптимально, качественно, в полном объеме реализовывать функцию уголовного преследования на современном этапе развития уголовного процесса, выполняя назначение уголовного процесса России.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/?ysclid=mnprsj1z1l657681556 (дата обращения: 05.10.2025).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108566/?ysclid=mnprzdq1vn400857332 (дата обращения: 05.10.2025).
3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/?ysclid=mnps1nnd8u779403974 (дата обращения: 05.10.2025).
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191497/?ysclid=mnps9drnrz826046304 (дата обращения: 05.10.2025).

5. Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 26 с.
6. Миликова А. В., Яковлева Л. А. К вопросу о статусе следователя в современном уголовном процессе Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 322–324.
7. Быков В. М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 59–61.
8. Игнатов С. Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 101–106.
9. Сеидов М. М. Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2018. 268 с.

© Бондарь М. М., 2026

Гаврилов Борис Яковлевич,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
академии управления МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ДОГМАТИЗМ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ КАК ТОРМОЗ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Только со смертью догмы начинается наука
Галилео Галилей (1564–1642)*

Оценивая современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства, хотелось бы отметить его низкую эффективность, поскольку за последние 10 лет доля направленных в суд уголовных дел от числа возбужденных сократилась примерно с 36 % до 18 % или в два раза. Одна из причин заключается в его заформализованности и забюрократизированности, это в числе других причин обусловлено тем обстоятельством, что за годы действия УПК РФ в него были внесены изменения более чем 350 федеральными законами.

При этом значительная часть из этих изменений была обусловлена необходимостью реагирования законодателя на происходящие изменения состояния и уровня преступности, реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации, среди которых одним из определяющих являлось постановление по делу Маслова [1]. Данное решение значительно опередило свое время, указав на необходимость обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе в отношении лица, подвергнутого уголовному преследованию с момента производства первоначальных следственных действий в его отношении.

Влияние на принятие уголовно-процессуального законодательства оказали и решения Европейского Суда по правам человека (до февраля 2022 г.), например по делам Бурдов и Бурдов-2 против Российской Федерации [2], реализуя которые Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ [3] в УПК РФ ввел ст. 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства», по которой законодатель в последующие годы ее действия внес изменения пятым федеральным законом, существенно изменив порядок исчисления разумного срока уголовного судопроизводства, в том числе установив их с момента регистрации заявления, сообщения о преступлении.

Значительное количество изменений в УПК РФ было обусловлено необходимостью дополнения Кодекса новыми институтами (прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25¹ УПК РФ); запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ); досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ); дознания в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ); разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ) и др.), а также правилами производства отдельных следственных действий и иных процессуальных действий (получение информации о со-

единениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186¹ УПК РФ), порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81¹ УПК РФ); приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами... (ст. 115² УПК РФ) и др.).

Вместе с тем отдельные вносимые в УПК РФ изменения несли характер контрреформ. Так, по инициативе Верховного Суда Российской Федерации перечень оснований возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ возрос с трех до девяти.

Отмечается низкая эффективность стадии возбуждения уголовного дела, что обусловлено сложившимся в России за последние 75 лет (с принятием УПК РСФСР 1960 г.) стереотипом мышления как у ученых, так и у практикующих юристов в части сохранения неизменным данного института.

Проблему действующей модели начала производства по уголовному делу мы разграничиваем на четыре основополагающих элемента: влияние института возбуждения уголовного дела на уровень регистрируемой в Российской Федерации преступности; обеспечение прав граждан на их доступ к правосудию; складывающаяся следственная и судебная практика начала производства по уголовному делу; проблемы при назначении и производстве судебной экспертизы в данной стадии уголовного судопроизводства.

В целом научная составляющая исследуемой стадии возбуждения уголовного дела свидетельствует, что как в дореволюционной России, так и в период после Октябрьской революции (1917 г.), в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела не существовало.

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в российский уголовный процесс была введена в 1934–1937 гг. в целях ограничения политических репрессий четырьмя циркулярами, в том числе Циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, п. 2 которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором», а также правилами производства отдельных следственных действий [4]. Однако в качестве самостоятельной процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела появилась лишь в УПК РСФСР 1960 г., с принятием которого развитие учения о стадиях уголовного процесса пошло по пути общепризнанности возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного процесса. Как результат, сегодня значительная часть ученых-процессуалистов ратует за ее сохранение в УПК РФ, обосновывая свою позицию возможностью нарушений прав и свобод участников уголовного процесса при исключении института возбуждения уголовного дела, выполняющего роль «фильтра» с целью недопущения фактов незаконного, необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности (В. С. Шадрин [5] и др.).

О несоответствии данного тезиса реалиям правоприменительной практики наглядно свидетельствуют приведенные в таблице № 1 статистические данные об увеличении в 5 раз количества процессуальных решений следователя, дознавателя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела (таблица 1).

Таблица 1

Статистические данные о количестве процессуальных решений
об отказе в возбуждении уголовного дела

Период	Количество «отказных» материалов
1992	1,3 млн
2002	3,8 млн
2006	4,5 млн
2012	6,4 млн
2013	6,7 млн
2024	6,4 млн

При этом за реформирование стадии возбуждения уголовного дела высказываются такие представители научной общественности, как С. Е. Визин [6, с. 54–56], Л. М. Володина [7, с. 5–11], автор настоящей статьи [8, с. 19–26], В. В. Гордиенко и др. Нейтральную позицию занимают В. Ф. Васюков, Е. В. Марковичева [9] и др.

Складывающаяся за последние 20 лет практика института «отказных» материалов негативно влияет на реализацию гражданами предусмотренного ст. 52 Конституции Российской Федерации права граждан на доступ к правосудию и, в первую очередь, лиц, пострадавших от преступления, и обеспечения их права на возмещение причиненного им ущерба, что наглядно отражено в таблице 2.

Таблица 2

Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел
и отказных материалов

Годы	2006	2015	2022	2023	2024
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	12,2	11,9	11,8	12,1
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,9	1,6	1,6	1,5
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях (%)	30,8	15,5	16,2	13,6	12,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,8	6,0	6,2	6,4

Приведенные статистические данные свидетельствуют от том, что при сохраняющейся в целом тенденции стабильности числа регистрируемых в течение последних 20 лет (порядка 10–12 млн) количество возбужденных уголовных дел за этот период сократилось более чем в 2 раза (на 1,8 млн), и на это же число увеличилось количество «отказных» материалов при условии, что органами прокуратуры в последние годы признаются незаконными и необоснованными и отменяются ежегодно 1,1–1,3 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Складывающаяся практика увеличения количества «отказных» материалов непосредственно повлияла, по нашему мнению, на уровень регистрации количества совершенных преступлений или так называемый «тренд» преступности – показатель уровня регистрируемых преступлений, что приведено в таблице 3.

Таблица 3

Тренд преступности							
Период	1980	1991	1999	2006	2010	2023	2024
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,855	4,4	1,947	1,911

Скалывающаяся негативная ситуация, связанная с существенным ростом за последние два десятилетия количества так называемых «отказных» материалов, негативно повлияла на состояние законности в сфере оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по рассмотрению заявлений, сообщений о преступлениях, что наглядно отражено в таблице 4, приведены сведения о количестве ежегодно выявляемых органами прокуратуры нарушений законности, в том числе в состоянии учетно-регистрационной дисциплины.

Таблица 4

Статистические данные о количестве нарушений законности					
Наименование показателя		2017	2022	2023	2024
Всего выявлено нарушений законов		5 156 665	5 217 038	5 331 275	5 436 999
В том числе	При приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	3 793 667	3 417 399	3 446 813	3 477 520

Приведенные выше статистические данные о количестве нарушений законности при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях свидетельствуют о том, что ежегодно порядка 3–3,5 млн граждан ограничиваются в доступе

к правосудию. Однако этот показатель не в полной мере соответствует реалиям в данной сфере правоприменительной деятельности правоохранительных органов, поскольку по данным проведенного ВЦИОМ в 2019 г. исследования, 49 % российских граждан не обращались в правоохранительные органы, так как не рассчитывали на их помощь в установлении лица, совершившего преступление.

Еще одна сущностная проблема института отказа в возбуждении уголовного дела заключается в том, что согласно ч. 1 ст. 148 УПК РФ «Отказ в возбуждении уголовного дела» данное решение следователем, дознавателем, органом дознания может быть принято по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но лишь в отношении конкретного лица. Однако примерно по 90–95 % процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела по данному основанию принимается без установления лица, причастного к данному противоправному деянию.

Это решение законодателя подтвердил через 20 лет Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта второго части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова» [10]. В целях «преодоления» данного решения Конституционного Суда, фактически наложившего вето на принятие процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, возможно лишь в отношении конкретного лица, должностные лица органов предварительного расследования и органов дознания стали принимать такие решения по основаниям п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (за отсутствием события преступления).

Еще одна проблема в стадии возбуждения уголовного дела сегодня обусловлена определением Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 № 533-О о необходимости возбуждения уголовного дела по каждому вновь выявленному эпизоду преступной деятельности и при установлении нового соучастника преступления [11], что негативно воспринято правоприменителями в силу того, что по уголовным делам о финансовых мошенничествах, о долевом строительстве вместо одного уголовного дела следователи вынуждены выносить постановления о возбуждении уголовного дела по каждому из нескольких тысяч заявлений обманутых граждан, что существенно увеличивает не только объем непосредственно процессуальной деятельности следователя, но и в целом финансовые затраты государства.

И наконец, четвертое негативное обстоятельство современной стадии возбуждения уголовного дела заключается в юридической невозможности обеспечения прав и законных интересов фактических участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела в силу отсутствия у них правового статуса, включая лицо, как пострадавшее от совершенного преступления, так и заподозренного в совершении уголовно наказуемого деяния, а также граждан, привлекаемых в качестве понятых при производстве следственных действий (например, осмотра места происшествия и др.).

Особенно это негативное обстоятельство сегодня имеет место при назначении и производстве судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, что нашло свое отражение в определении Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 257-О «По жалобе гражданина С. Я. Шилова на нарушение его конституционных

прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [12].

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин С. Я. Шилов оспаривал конституционность положений ст. 195 «Порядок назначения судебной экспертизы» и ч. 1 ст. 198 «Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы», поскольку при назначении судебной экспертизы у пострадавшего от преступления гражданина и у лица, заподозренного в его совершении, отсутствует право на заявление ходатайства о постановке перед экспертом вопросов, имеющих, по их мнению, существенное значение при разрешении экспертом поставленных перед ним вопросов, а также возможности заявления отвода эксперту.

Безусловным ограничением прав указанных лиц является и невозможность ознакомления с заключением экспертизы, что может повлечь за собой принятие следователем, дознавателем, органом дознания необоснованного процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

В заключение следует сказать, что задача представителей науки сегодня состоит в разработке совместно с правоприменителем такой доктрины стадии возбуждения уголовного дела, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни Российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип мышления, касающийся незыблемости названного выше института возбуждения уголовного дела.

Список библиографических ссылок

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/?ysclid=mogudms5b6329071381 (дата обращения: 02.10.2025).

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.05.2002 № 59498/00. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2025).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федер. закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99920/?ysclid=mogveokyl5191152992 (дата обращения: 02.10.2025).

4. Циркуляр Прокуратуры СССР № 41/26 от 05.06.1937 // Сборник приказов Прокуратуры СССР. М.: Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 156.

5. Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1 (963). С. 47–51.

6. Вицин С. Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54–56.

7. Володина Л. М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 5–11.

8. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.

9. Марковичева Е. В., Васюков В. Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе М.: Издательство Проспект, 2016. 80 с.

10. По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова: постановление Конституционного суда РФ от 15.06.2021 № 28-П // СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 5043.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 № 533-О. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.10.2025).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 257-О. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.10.2025).

Библиографический список

1. Гаврилов, Б.Я. Институт предъявления обвинения в условиях реформирования российского уголовного процесса / Б. Я. Гаврилов // Публичное и частное право. – 2018. – № 1 (37). – С. 150–160.

2. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.]. – Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Издательский Дом (типография), 2016. – 666 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Комментарий (1960 г.) / под общ. ред. В. М. Лебедева. – Москва, 1997. – С. 228.

4. Химичева, О. В. Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в становлении института привлечения в качестве обвиняемого / О. В. Химичева, А. В. Андреев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 109–111.

© Гаврилов Б. А, 2026

Зайцева Елена Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЗ СУДА: ОТ ИСТОКОВ К НАСТОЯЩЕМУ

Тематика конференции, которая сформулирована в русле последних наметившихся тенденций учета прошлого правового опыта нашего государства в непростых условиях вызовов современности, предполагает, прежде всего, ретроспективный анализ тех или иных проблем уголовно-процессуальных институтов, представляющих несомненный интерес для научного сообщества и практики. Именно в таком ключе хотелось бы порассуждать о прошлом и настоящем «возвращения уголовного дела из суда» и именно в такой редакции.

Сразу же определимся с терминологией: «возвращение уголовного дела из суда» – это явление более масштабное, чем «возвращение уголовного дела прокурору из суда» или «возвращение уголовного дела на дополнительное расследование из судебных стадий». Пожалуй, это название ввиду его универсальности позволяет включить в обсуждаемую проблематику оба упомянутых выше института, которые развивались на основе ранее существовавшего отечественного законодательства под запросы правоприменительной практики, призванной решать те или иные задачи уголовного судопроизводства в определенных внутриполитических условиях. При этом следует принимать в расчет, что со вступлением в силу УПК РФ институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование из суда (по УПК РСФСР 1960 г.) прекратил свое существование, а на смену ему пришел иной механизм ликвидации «огрехов» досудебного производства – «возвращение уголовного дела прокурору из суда»¹. В свою очередь, этот механизм продолжает испытывать на себе активное корректирующее воздействие законодателя, который, реагируя на запросы правоприменителей, реформирует систему норм, составляющую данный институт.

И это закономерность бытия соответствующего правового института, потому что он формировался, собственно, для целей исправления ошибок предварительного расследования², препятствующих ординарному разрешению судом уголовного дела по существу. Данную закономерность можно обнаружить даже в нормах первого систематизированного собрания российского законодательства – Свода законов Российской империи. Обращение к ряду статей, регламентирующих положение прокуроров

¹ При этом заметим, не очень эффективный механизм с учетом его первоначальной модели, которая отрицала возможность производства дополнительных следственных действий по делу, возвращенному прокурору, да еще и ограничивала сроки исправления данных «огрехов» пятью сутками, что, само собой, существенно ограничивало процессуальные возможности органов уголовного преследования.

² С тем, как исправлялись ошибки предварительного следствия до издания анализируемого нами Свода законов о судопроизводстве по преступлениям, можно ознакомиться в работе К. А. Трифионовой [1, с. 39–40].

и стряпчих («взыскателей наказания по преступлениям и вместе с тем защитников невинности» – ст. 165 Свода законов о судопроизводстве по преступлениям [2, с. 32]) показывает, что к числу обязанностей этих властных субъектов в ст. 166 закон относил надзор за тем, «чтобы следствие приведено было в надлежащую ясность и точность и окончено с совершенным беспристрастием, дабы высшему месту не осталось ни сомнения, ни повода требовать дополнений» [2, с. 33]. При этом в случае неполноты следствия, обнаружившейся в суде, прокуроры и стряпчие в соответствии со ст. 167 обязаны были «настоять о дополнении следствия по производству дела и до сочинения приговора предлагать о том, чего по мнению их в производстве не достает» [2, с. 33]. Последнее нормативное установление не дает четкого представления о том, в каком формате должно было осуществляться это дополнение следствия: непосредственно в суде усилиями сторон или путем направления уголовного дела на дополнительное расследование из суда. Но указание на этап «до постановления приговора» свидетельствует о том, что именно представители стороны обвинения в данном законодательном акте обозначены в качестве активных инициаторов дополнения предварительного следствия.

Дальнейший анализ положений Свода законов о судопроизводстве по преступлениям демонстрирует уже активность земского суда в устранении выявленной неполноты следствия. Так, ст. 284 предписывала земскому суду при обнаружении недостатков и упущений в следственном производстве, допущенных становым приставом¹, предпринимать меры согласно ст. 2714 и 2715 Общего губернского учреждения [3]. В свою очередь предписания ст. 2714 Общего губернского учреждения возлагали на земский суд обязанность «приводить дело в порядок посредством расследования через того же или другого станового пристава, или же, смотря по важности дела, через самого земского исправника², или наконец и через особое Временное Отделение» [3, с. 551].

Земский суд обязан был «в случае неполного или неясного следствия дополнять оное окончательно справками и сведениями, которые могут быть нужны» (ст. 285) [2, с. 52].

Весьма интересна с точки зрения «разделения процессуального труда» по восполнению пробелов следствия ст. 293, которая предписывает исследовательские действия в дополнение следствия проводить местной полиции, а вот корректировка имеющегося письменного производства возлагается на суд первой степени, который должен запрашивать справки, уточнение сведений путем сношений с соответствующими присутственными местами. «Суд обязан пещись, чтобы все сии сведения имели надлежащую полноту и точность» [2, с. 53]. Описание данного порядка свидетельствует о том, что дополнение материалов уголовного дела результатами новых «изысканий» возлагалось на полицию, в то время как само дело, судя по содержанию статьи, оставалось в распоряжении суда.

¹ Становой пристав – это полицейское должностное лицо в уездной полиции дореволюционной России.

² Земский исправник – представитель высшей полицейской власти в уезде, глава нижнего земского суда.

Статья 296 демонстрирует, что проверка материалов уголовного дела судом первой степени на предмет полноты и достаточности для рассмотрения его по существу – этап, предшествующий собственно разбирательству уголовного дела: «По окончательном рассмотрении и дополнении следствия и собрания всех нужных справок, суд приступает к дальнейшему производству» [2, с. 54], завершающемуся вынесением приговора, который можно было обжаловать в ревизионном порядке (по сути, апелляционном порядке) в суд второй степени – Палату уголовного суда. При этом одним из возможных исходов рассмотрения дела в ревизионном порядке было принятие решения о направлении уголовного дела ввиду «недостаточности» проведенного следствия на дополнительное расследование: «Когда при рассмотрении дела окажется учиненное следствие недостаточным, обращать оное к переследованию» (ст. 378). Для ускорения производства дополнения материалов уголовного дела предписывалась возможность направления дела из Палаты уголовного суда только при особой надобности, а обычно Палата уголовного суда уполномочена была, «не отсылая дела, предписать судебному месту, где дело производством началось, учинить что следует...» (ст. 379) [2, с. 70]. Сама Палата вправе была проводить допросы подсудимого «в пополнение прежних допросов» (ст. 380).

То есть мы наблюдаем интересную закономерность: для обеспечения соблюдения быстроты процесса уголовное дело оставалось в распоряжении суда, обнаружившего неполноту проведенного следствия, а суд предпринимал действия к стимулированию предыдущих субъектов производства (досудебного или судебного низшей инстанции) к восполнению выявленных пробелов. При этом, памятуя существование волокиты при разрешении дел в судах той эпохи, обратим внимание на попытки законодателя минимизировать негативное воздействие бюрократической неповоротливости судейского сообщества. Так, в ст. 447, посвященной ревизии дел в порядке надзора в Правительствующем Сенате, содержится весьма показательное предписание: «При ревизии дела, в существе его, Правительствующий Сенат обращает внимание и на движение его в судебных местах, и если усмотрит, что оно умедлено было ненужным дополнением или излишними справками, то подвергает виновных в сем умедлении надлежащим взысканиям» [2, с. 84].

Мы видим, что уже в то время законодатель пытался достичь баланса между полнотой проведенного досудебного и судебного производства и соблюдением быстроты такового производства (по сути, речь шла о знакомом нам в современном изложении требовании «разумных сроков уголовного судопроизводства»). Обеспечение полноты производства путем направления уголовного дела на доследование предусматривалось и из суда второй инстанции.

Попробуем отследить эту тенденцию (если она, конечно, проявляется) на примере регламентации соответствующей процессуальной деятельности в следующем знаковом источнике права – Уставе уголовного судопроизводства [4] (далее – УУС).

Прежде всего отметим, что для должностных лиц прокурорского ведомства данным законодательным актом устанавливались полномочия по недопущению направления в окружной суд уголовных дел, которые содержали в себе недостаточно полные материалы расследования. Так, ст. 286 предоставляла прокурору и его товарищу право «требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им указа-

ниям, хотя бы судебный следователь и признал следствие конченным». Данные установления показывают преемственность УУС и Свода законов о судопроизводстве по преступлениям в указанной части.

Что же касается полномочий прокурора на этапе предания обвиняемого суду (напоминает современное «буферное производство» [5, с. 13–14, 32] по рассмотрению прокурором уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением, актом, постановлением), то «в случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела», ему предоставлялось два варианта действий: 1) истребование дополнительных материалов; 2) возвращение уголовного дела на дополнительное расследование (ст. 512 УУС) [4].

В контексте проблематики баланса обеспечения полноты материалов уголовного дела и быстроты процесса интересны предписания ст. 513 и 514 УУС, которые воспрещали возвращать прокурору дело на дополнительное расследование при обнаружении в материалах дела о каком-либо запрещенном деянии сведений о «противозаконных действиях лиц, не участвовавших в том преступлении или проступке» (ст. 513 УУС) [4]. Для этого предусматривалось отдельное производство, самостоятельное расследование. А для предотвращения волокиты со стороны должностных лиц прокуратуры им не дозволялось «под опасением законной ответственности останавливать течение дела для пополнения следствия сведениями несущественными» (ст. 514 УУС) [4].

И хотя описываемые нами процедуры возвращения уголовного дела на «доследование» не относятся собственно к «возвращению уголовного дела из суда», они анализируются нами как предшествующий этап проверки качества материалов предварительного следствия, как гарантия недопущения в судебное производство уголовных дел, очевидно, содержащих дефекты, препятствующие разрешению уголовного дела по существу. Эти нормы в системном единстве с нормами по регламентации полномочий суда, направляющего дело к «доследованию», выступали в роли законодательно установленного механизма обеспечения беспрепятственной деятельности судов по разрешению уголовных дел.

Что же касается непосредственно полномочий суда на возвращение уголовного дела в досудебное производство, то таковые в УУС прописаны только для окружных судов, разрешающих дела по первой инстанции, и то исключительно для двух ситуаций. Одна касалась именно дополнительного расследования ввиду неполноты следствия или существенного нарушения закона. В частности, палата окружного суда согласно ст. 534 при установлении, что следствие было проведено неполно или с существенным нарушением установленных процедур, обращала уголовное дело к доследованию. Вторая ситуация была связана с выявлением в ходе судебного следствия нового деяния, предусматривающего более строгое наказание, что требовало возвращения уголовного дела на предварительное расследование и «составление обвинительного акта по всем преступным действиям подсудимого» (ст. 752–753) [4].

Как видим, институт возвращения уголовного дела из суда в УУС претерпел определенную «редукцию», утратив механизм возвращения уголовного дела из судов второй инстанции, который был ранее регламентирован в нормах Свода законов

о судопроизводстве по преступлениям. Тем не менее анализ предписаний обоих законодательных актов показывает, что возвращение уголовного дела из суда в тот период предусматривало непосредственное дополнительное расследование с целью ликвидации выявленной судом неполноты и устранения обнаруженных существенных нарушений процедуры. Эти положения потом с определенной трансформацией будут применены и в обновленном законодательстве советской эпохи. А стремление законодателя дореволюционного периода обеспечить баланс между полнотой расследования и соблюдением разумных сроков производства найдет отражение в нашей уголовно-процессуальной действительности в виде соответствующего принципа (ст. 6.1 УПК РФ), скорректированного института возвращения уголовного дела прокурору и выстраиваемой благодаря усилиям Пленума ВС РФ [6] адекватной судебной практики.

Список библиографических ссылок

1. Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 257 с.
2. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 964 с.
3. Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Т. 2. Часть I. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 1474 с.
4. Устав уголовного судопроизводства, 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 03.09.2025).
5. Климова Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. 287 с.
6. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493917/?ysclid=mnptb7qzmg349563998 (дата обращения: 03.09.2025).

© Зайцева Е. А., 2026

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТКРЫТОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Современное развитие общества предполагает его цифровизацию. В уголовном судопроизводстве как в одном из видов деятельности государственных органов и его должностных лиц достаточно продолжительное время используются технические средства, позволяющие где-то рационализировать эту деятельность, а где-то обеспечить общественный контроль за этой деятельностью. К таковым средствам относятся:

- 1) различные технические средства, используемые лицами, следователями и дознавателями при производстве следственных действий по уголовному делу;
- 2) видео-конференц-связь с участниками при проведении судебных заседаний;
- 3) цифровое аудиопротоколирование судебных заседаний.

Однако использование данных средств не достаточно в условиях неостанавливающегося развития информационных технологий и реформирования государства. Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., явилась катализатором для внедрения и повсеместного применения и иных технологий в уголовное судопроизводство. Анализ правоприменения в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 позволил выделить следующие возможные изменения порядка уголовного судопроизводства, которые будут способствовать совершенствованию открытости всей уголовно-процессуальной деятельности:

1. Внедрение электронного документооборота. Говоря о данном новшестве (именно в рамках уголовного судопроизводства), мы подразумеваем не имеющуюся в настоящий момент возможность ознакомления с электронными решениями судов посредством использования ГАС «Правосудие», а именно законодательно закрепленную возможность составления и направления между органами (например, между органом, осуществляющим предварительное расследование и судом) всех материалов уголовного дела. При этом такой электронный документ после его составления должен быть подписан электронной подписью, а не распечатан на бумаге, подписан и отсканирован. Исключением в данном случае будут являться те документы, которые составлены лицами, не проводящими расследование и являющимися представителями органов государственной власти, у которых имеются возможности передачи документов посредством использования электронного документооборота. К таким документам можно отнести, например:

– характеризующий личность обвиняемого, подозреваемого, подсудимого материал, в частности характеристику с места работы, справки различных организаций и другое;

– заключение эксперта экспертной организации, не включенной в систему электронного документооборота;

– иные документы, которые приобщаются к материалам уголовного дела.

В таких случаях целесообразно обязать лицо, производящее расследование, сканировать данные документы и приобщать их к материалам электронного уголовного дела, удостоверяя их своей электронной подписью.

Электронная подпись по своей сути отличается от подписи, поставленной должностным лицом на бумаге, на которой распечатан тот или иной документ, соответственно, внедрение электронного документооборота позволит исключить потенциальную возможность использования изображения подписи того или иного должностного лица в противоправных целях. Тем самым, любое лицо, которое желает ознакомиться с конкретным документом или всем уголовным делом, будет иметь возможность в полной мере ознакомиться с его содержанием. Возможность же анонимизации участников процессуального действия в тексте документа может быть предусмотрена программно. Кроме того, внедрение электронного документооборота будет способствовать экономии бюджетных средств, затрачиваемых на бумагу. Помимо этого, электронный документооборот в уголовном судопроизводстве положительно скажется на удобстве ознакомления с материалами дела уже после его рассмотрения судом по существу, поскольку лицу, желающему ознакомиться, не придется обращаться в архив суда с запросом, ждать его рассмотрения и тратить время на поход в архив суда.

Электронный документооборот успешно применяется в деятельности большинства не только правоохранительных, но и иных органов государства (Генеральная прокуратура, Следственный комитет, МВД) [1; 2], что свидетельствует о том, что внедрение электронного документооборота возможно и в уголовное судопроизводство, поскольку электронные документы будут отправляться от одного государственного органа в другой.

При этом введение электронного документооборота в уголовное судопроизводство не скажется отрицательно на его открытости, поскольку для ознакомления с тем или иным процессуальным документом по уголовному делу лицу потребуется лишь пройти авторизацию на интернет-сайте «Госуслуги» (по аналогии с проверкой документов, удостоверяющих личность при входе в здание суда).

2. Обязательная видеозапись судебного заседания. Несмотря на то, что законодатель в 2018 г. в УПК РФ закрепил норму, в соответствии с которой осуществляется обязательное аудиопротоколирование судебного заседания, считаем необходимым дополнить указанную норму требованием о проведении видеозаписи. С одной стороны, обязательность осуществления видеозаписи судебного заседания потребует более сложной технической оснащённости залов судебных заседаний, а также дополнительных бюджетных ассигнований, однако денежные средства будут потрачены государством единожды, а возможность обеспечить дополнительную гарантию открытости и прав участников судебного заседания на обжалование судебного решения на длительный срок [3, 4]. В данном случае «долгий срок» предполагает не длительное хранение видеозаписей на серверах судов, а возможность пользоваться установленными техническими средствами весь период их эксплуатации.

Срок же хранения видеозаписей судебных заседаний целесообразно установить в пределах сроков, в течение которых вынесенное судом решение может быть обжаловано заинтересованными лицами, поскольку дальнейшее хранение таких записей будет излишне нагружать системы их хранения.

3. Проведение всех судебных заседаний посредством видео-конференц-связи. Несмотря на кажущуюся невозможность реализации такого порядка судопроизводства в настоящее время, думается, что именно повсеместное проведение всех судебных заседаний по уголовным делам (как на стадии досудебного производства, так и при рассмотрении уголовного дела по существу) является перспективой развития открытости уголовного судопроизводства России.

Так, анализ правоприменительной практики проведения судебных заседаний в период пандемии COVID-19 и невозможности непосредственного участия в судебном заседании всех заинтересованных лиц показал, что проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи не нарушает прав участников уголовного процесса, а напротив, создает условия, способствующие рассмотрению материалов и уголовных дел в максимально короткие сроки.

Для перехода от судебных заседаний с непосредственным участием подсудимого, потерпевшего, свидетелей и иных участвующих лиц к судебным заседаниям, все участники которых присутствуют на нем посредством использования видео-конференц-связи, необходимо обеспечить:

1) техническую возможность участия каждого из участников уголовного процесса посредством разработки специального программного обеспечения, которое может быть установлено каждым из участников на персональный компьютер, планшетный компьютер или смартфон;

2) оборудование в помещениях суда специальных комнат с возможностью участия из них в судебном заседании тех лиц, у которых техническая возможность вне помещения суда отсутствует;

3) возможность нахождения защитника подсудимого в помещении, в котором последний не будет лишен возможности непосредственного общения с адвокатом.

Кроме того, проведение судебных заседаний исключительно посредством использования видео-конференц-связи обеспечит людей с ограниченными возможностями дополнительной возможностью принятия участия в судебном заседании.

Список библиографических ссылок

1. Мышко Ф. Г., Кудряшов Е. Ю. Основные аспекты развития системы электронного документооборота в органах прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-razvitiya-sistemy-elektronnogo-dokumentoooborota-v-organah-prokuratury-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.11.2025).

2. Бычков В. В., Вепрев С. Б. Электронный документооборот в следственной деятельности: проблемы и пути их решения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentoooborot-v-sledstvennoy-deyatelnosti-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 23.11.2025).

3. Аудио- и видеозапись хода заседания как средство оспорить протокол. URL: <https://pravo163.ru/audio-i-videozapis-xoda-zasedaniya-kak-sredstvo-osporit-protokol/> (дата обращения: 23.11.2025).

4. Видеозапись судебных заседаний: кому и зачем это нужно? URL: <https://legal.report/videozapis-sudebnyh-zasedanij-komu-i-zachem-eto-nuzhno/> (дата обращения: 23.11.2025).

Библиографический список

1. Лукашевич, В. З. У нашей страны свой путь становления уголовного судопроизводства / В. З. Лукашевич // Санкт-Петербургский университет. Специальный выпуск. – Санкт-Петербург. – 1997. – С. 10.

2. Зарипов, Ф. Ф. Гуманистическое, человеколюбивое назначение и содержание принципов Российского уголовного судопроизводства / Ф. Ф. Зарипов // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2018. – Т. 28. – Вып. 3. – С. 397–400.

3. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : федер. закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/?ysclid=mnrg9000xj747916619 (дата обращения: 02.10.2025).

4. О внесении изменений в ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 02.10.2024. № 340-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487085/?ysclid=mnrgarg94w710924747 (дата обращения: 02.10.2025).

© Зотова А. Ф., 2026

Каримова Гульназ Юрисовна,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

**ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Современное правовое демократическое государство не может существовать обособленно от других государств. Расширяются экономические, политические и правовые связи государства с другими. Важную роль в этом играют процессы глобализации, влияние которых ученые оценивают неоднозначно.

Глобализация как неизбежное социальное явление преследует цель формирования единого мирового экономического и правового пространства. Влияние международных правовых норм на национальное законодательство очевидно. По мнению М. Н. Марченко и Е. М. Дерябиной, национальная составляющая во внутригосударственном праве постепенно «подавляется» глобальной. В результате меняется не только сущность национального права, но и его назначение, цели и задачи [1]. Это, безусловно, закономерный процесс, однако появляется опасность трансформации баланса интересов в сторону доминирования воли и интересов более сильного государства над другими. Идея приоритета международных норм над национальными охватывает законодательство множества стран. Фактически впервые о действии международных договоров на территории национального государства упоминается в Конституции США 1787 г. [2, с. 128].

Считается, что исторически сложилось так, что международные нормы появились для защиты наиболее уязвимых государств, в том числе побежденных в результате первой и второй мировых войн. Цель создания или издания международных правовых норм, обязательных для исполнения странами-участницами, – установление неких базовых начал-принципов, идей, отличающихся универсальностью. Но в современных условиях необратимо глобализующегося мира те отношения, которые регулировались на внутригосударственном уровне, все больше подпадают под сферу влияния международного права. Таким образом, усиливается конвергенция международного права с национальным правом различных стран. Немаловажное значение имеет способность международного права служить неким образцом или моделью регулирования соответствующей сферы общественных отношений на внутригосударственном уровне. Нормативные правовые акты внутри государства принимаются на основании норм международного права, отражая тем самым интеграционную тенденцию – укрепление взаимосвязей отдельных национальных обществ с мировым сообществом.

Результатом процессов глобализации становится изменение подхода к соотношению национального и международного права. Происходят процессы интеграции

международного и национального права, примером которой может служить ст. 15 Конституции РФ, закрепившей законодательно выраженное согласие на применение конкретных международных договорных норм [2, с. 131].

Положительный характер глобализации можно отметить при формировании института прав человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.), однако реализация прав человека возможна именно на национальном уровне, с помощью предусмотренных в конкретной стране правовых механизмов. Следует упомянуть о денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и выходе из Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Как следствие этого, правовые позиции в постановлениях ЕСПЧ теперь не влияют на судебную жизнь нашего государства в условиях глобализации. Ранее правила, установленные ЕСПЧ, исполняли роль прецедента (общеобязательного стандарта) для национальных органов правосудия государств-членов. Но такой подход не учитывает традиционные ценности конкретного народа, уменьшая возможность самостоятельного правового регулирования в конкретном государстве. Менталитет российского народа не поддается универсализации в короткий исторический период, а попытка сформировать единую (европейскую) идентичность [3, с. 16] народов для национальной самобытности, культуры, правовых ценностей народов России представляет опасность и может привести к социальным потрясениям. К примеру, с российской религиозной доктриной и моральными ценностями народов России несовместима западная «пропаганда» предоставления прав на проведение публичных мероприятий сексуальным меньшинствам [3, с. 18]. Россия принципиально отстаивает свои национальные представления и ценности на законодательном уровне через различные виды юридической ответственности.

Следует отметить, что процессам глобализации в какой-то мере противостоит государственно-правовая демократическая идеология как система идей нравственности и других традиционных ценностей, нашедших свое отражение в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4].

Суть уголовно-процессуальной политики состоит не в наличии совершенных с точки зрения юридической техники правовых норм, а в воплощении в законах и правомерном поведении людей идей справедливости, свободы, уважения неотъемлемых прав и свобод человека, формального равенства. Это способствует формированию правового сознания граждан, приучает их к соблюдению норм права. Социологические исследования показали, что граждане лучше усваивают не конкретные нормы, а именно общие положения, оценивая их как справедливые или несправедливые [5, с. 8]. Необходимо переосмыслить преломление конкретных уголовно-процессуальных норм в деятельности правоохранительных органов сквозь призму нравственности, правовых традиций и ценностей.

В качестве носителей государственно-правовой идеологии или национальной идеологии выступают органы государственной власти, лидеры государства, отдельные должностные лица. Не являются исключением и лица, ведущие уголовный процесс.

По мнению А. Г. Мовсисяна, невозможно построить сильное государство без воспитания в гражданах чувства патриотизма, чувства значимости действия конкретного человека в жизни своей страны, сопричастности к проблемам своего народа. Данные задачи и являются функцией государственной идеологии [6].

Список библиографических ссылок

1. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Основные направления и тенденции развития права в условиях глобализации // Право и государство. 2013. № 4 (61). С. 6–9.
2. Правовая жизнь российского общества в условиях глобализации: монография / С. Ф. Афанасьев, К. Е. Игнатенкова, А. Ю. Саломатин [и др.]; под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2017. 320 с.
3. Выскребцев Б. С., Рябоконева С. И., Сергеева А. Б. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российской системе права: причины денонсации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 13–19.
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/?ysclid=mnpxh0x2j2879663696 (дата обращения: 23.09.2025).
5. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. 562 с.
6. Мовсисян А. Г. О форме и содержании. Нужна ли идеология рыночной экономике? // Независимая газета. 1998. 17 июля.

© Каримова Г. Ю., 2026

Кульчарова Альбина Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ КАК ОСНОВНОЙ ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Принцип презумпции невиновности является одним из важных принципов уголовного судопроизводства, суть которого состоит в защите законопослушных граждан от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и вынесении судом справедливого и законного решения.

Как отмечает М. С. Строгович, данный принцип не зависит от субъективного мнения должностных лиц органов предварительного расследования и суда, которое может быть сформировано с учетом личности обвиняемого (подозреваемого) или сложившегося к нему отношения, он, напротив, базируется на выраженном в законе объективном правовом положении этого лица, заключающемся в признании его невиновным до установления вины, вступившим в законную силу приговором суда [1, с. 66–67].

Принцип презумпции невиновности, будучи закрепленным в высшем нормативно-правовом акте и уголовно-процессуальном законе нашей страны, представляет конституционный принцип уголовного процесса. На первый взгляд, исходя из содержания положений ст. 49 Конституции РФ [2] и чч. 1, 3 ст. 14 УПК РФ [3], можно сделать ошибочный вывод, что его действие распространяется только на лиц, обвиняемых в совершении преступления, хотя его постулаты применимы и к лицам, подозреваемым в совершении преступления. Данный факт нашел свое отражение в нормативных предписаниях ч. 2 ст. 14 УПК РФ о том, что подозреваемый наравне с обвиняемым не обязан доказывать свою невиновность, и эта обязанность лежит на должностных лицах стороны обвинения.

Реализация принципа презумпции невиновности начинается, как только у правоохранительных органов появляется информация о лице, подозреваемом в совершении преступления, и начинается проверка его возможной причастности к нему. Законодательство предоставляет подозреваемому широкий набор процессуальных прав, которые служат гарантией соблюдения этого принципа и обеспечивают защиту прав и свобод личности. Среди таких прав следует выделить обозначенные в ч. 4 ст. 46 УПК РФ полномочия подозреваемого: представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; знакомиться с протоколами произведенных с его участием следственных действий, подавать на них замечания; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда; защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ. Совокупность обозначенных прав поддерживает правовой баланс в процессе предварительного расследования и гарантирует координацию уголовно-процессуальных правоотношений без предвзятых мнений и социальных стереотипов о виновности подозреваемого.

Процесс наделения подозреваемого лица статусом обвиняемого сопровождается соблюдением следователем (дознавателем) нормативного устройства российского уголовного судопроизводства в части реализации правил презумпции невиновности. Указанные должностные лица обязаны изобличить лицо в совершении преступления, доказать его виновность и только при наличии достаточных доказательств для обвинения предъявить ему его, выяснив, понятна ли ему сущность данного обвинения и желает ли он дать показания по существу предъявленного обвинения. При этом в случае признания обвиняемым своей вины в совершении инкриминируемого преступления действие принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве не прекращается. Признание вины в соответствии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ не может быть положено в основу обвинения, если оно не нашло своего подтверждения в совокупности с другими установленными по уголовному делу доказательствами. В случае отказа обвиняемого от дачи показаний на первом допросе его повторный допрос по тому же обвинению согласно ч. 4 ст. 173 УПК РФ возможен только по просьбе самого обвиняемого. Обозначенные нормы уголовно-процессуального закона обеспечивают гарантированную защиту прав и свобод обвиняемого и безусловное действие принципа презумпции невиновности на ключевом этапе предварительного расследования.

Аналогичным образом принцип презумпции невиновности соблюдается прокурором при проверке уголовного дела, поступившего ему для направления в суд для рассмотрения по существу. Он, осуществляя уголовное преследование, основывается только на достоверных доказательствах, изобличающих обвиняемого в совершении преступления. В случае несогласия с решением должностных лиц прокурор может возвратить направленное ему уголовное дело следователю (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), дознавателю (п. 2 ч. 1 ст. 226 и п. 2 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ) для производства дополнительного расследования либо пересоставления итогового обвинительного документа (обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления) и устранения выявленных недостатков или прекратить поступившее от дознавателя уголовное дело, не направляя его в суд (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). А в случае направления прокурором уголовного дела в суд и недоказанности в суде вмененного в вину обвиняемому лицу обвинения прокурор, являясь государственным обвинителем, обязан отказаться от обвинения полностью или в части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ), что влечет за собой полное или частичное прекращение уголовного дела и восстановление нарушенных прав обвиняемого. Названные нормы УПК РФ составляют основу принципа презумпции невиновности. Они обязывают компетентных должностных лиц правоохранительных органов проводить полное, всестороннее и объективное расследование обстоятельств преступления и, руководствуясь законом и совестью, устанавливать доказательства, не только подтверждающие виновность лица, но и опровергающие ее.

Важным гарантом соблюдения принципа презумпции невиновности являются не только нормы, определяющие процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, полномочия следователя (дознавателя), прокурора, но и общие для судебного разбирательства положения. Они являются гарантом рационального осуществления правосудия, выступают неотъемлемым элементом защиты обвиняемого (именуемого в суде подсудимым) от необоснованного осуждения.

Наиболее эффективно принцип презумпции невиновности раскрывается и действует на стадии разбирательства уголовного дела в суде. При недостаточности доказательств со стороны обвинения уголовное дело может быть возвращено судом прокурору (п. 2 ч. 1 ст. 236, ч. 1 ст. 237 УПК РФ) либо прекращено (п. 4 ч. 1 ст. 236, ч. 1 ст. 239 УПК РФ). Только после детального рассмотрения уголовного дела, когда у суда уже не возникает никаких сомнений в справедливости правосудия, суд может быть уверен в виновности подсудимого, а также в действии принципа презумпции невиновности [4, с. 82]. Значимость реализации судом данного принципа подтверждается предписанной в п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ необходимостью разъяснения председательствующим в напутственном слове присяжным заседателям его сущности как методологической основы вынесения вердикта.

Приговор суда относится к процессуальному акту, вынесенному от имени государства. Он определяет виновность подсудимого либо его невиновность. Приговор считается окончательным ответом на поставленный вопрос о доказанности или недоказанности вины подсудимого в совершении преступления. В силу чч. 3, 4 ст. 14 УПК РФ любые неустранимые сомнения в виновности обвиняемого должны трактоваться в его пользу, а обвинительный приговор не должен быть основан на предположениях. Это означает, что до вынесения обвинительного приговора виновность лица не может считаться доказанной и любые сомнения должны разрешаться в его пользу. При этом обвинительный приговор, не вступивший в законную силу, не устанавливает виновности лица до его вступления в силу (ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Данное обстоятельство еще раз подчеркивает, что принцип презумпции невиновности остается объективной правовой нормой и должен соблюдаться всеми участниками процесса до окончательного установления вины в законном порядке.

Таким образом, принцип презумпции невиновности выступает жизненно важным принципом уголовного судопроизводства и реализуется на всех стадиях уголовного судопроизводства. Являясь основным гарантом прав и свобод личности, он способствует формированию правового государства и обеспечивает баланс между интересами личности и общества.

Список библиографических ссылок

1. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М.: Наука, 1984. 143 с.
2. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 2020. № 144.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изм. от 29 декабря 2025 г.) // Российская газета. № 1-2. 12.01.2026.
4. Кузнецова В. А., Кайралиева Д. В., Поздняков Д. В. Реализация презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71-6. С. 80–83.

Латыпов Вадим Сагитьянович,
начальник кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современный этап развития российского государства характеризуется фундаментальным пересмотром стратегических ориентиров во всех сферах общественной жизни, включая правовую систему. Уголовно-процессуальная политика как стратегическое направление государственной деятельности по формированию и реализации целей уголовного судопроизводства приобретает особое значение в условиях геополитической трансформации и необходимости обеспечения национального суверенитета.

Актуальность темы исследования обусловлена сменой парадигмы в понимании предназначения уголовного процесса: от заимствования зарубежных моделей к выстраиванию суверенной системы правосудия, отвечающей историческим вызовам и национальным интересам России. Интенсивная законодательная деятельность последних лет, направленная на модификацию институтов уголовного судопроизводства, требует системного осмысления через призму концепции национального интереса.

Эволюция уголовно-процессуальной политики России демонстрирует сложный путь от следствия либеральных реформ 1990 гг. к становлению суверенной модели. Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. ознаменовало разрыв с советской традицией и ориентацию на стандарты, предложенные зарубежными экспертами [1]. Однако, как справедливо отмечает А. М. Баранов, последующее развитие уголовно-процессуального законодательства приобрело фрагментарный характер, лишенный единой концептуальной основы [2].

Современный этап характеризуется переосмыслением базовых принципов организации уголовного судопроизводства. Выход России из юрисдикции Совета Европы и денонсация международных договоров создали правовой вакуум, требующий формирования собственной, аутентичной модели уголовного процесса [3]. В этих условиях категория национального интереса приобретает методологическое значение для понимания и систематизации законодательных новаций.

Национальный интерес в уголовном судопроизводстве представляет собой официально признанные государством и обеспеченные правом стратегические ориентиры, направленные на защиту суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя и устойчивого развития страны [4]. Важно подчеркнуть, что данная категория не тождественна традиционному публичному интересу, хотя и находится с ним в диалектической связи.

Если публичный интерес ориентирован на обеспечение правопорядка и неотвратимость ответственности в рамках отдельного уголовного дела, то национальный

интерес представляет собой метакатегорию, отражающую долгосрочные стратегические приоритеты государства. Именно приоритетом национального интереса можно объяснить законодательные решения, которые на первый взгляд вступают в противоречие с классическими принципами уголовного процесса, такими как неотвратимость ответственности.

Репрезентативными примерами имплементации национального интереса в уголовно-процессуальное поле являются институты приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, призванных на военную службу в особых условиях. Введение Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ нового основания приостановления предварительного расследования (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) трансформирует традиционное понимание данного института [5].

Классическая доктрина связывала приостановление с объективной невозможностью продолжения расследования. Новая норма вводит нормативно-целевое основание, продиктованное высшим интересом государства – обеспечением обороноспособности. Это свидетельствует об эволюции института от сугубо технического к инструменту публично-правового регулирования.

Еще более показательной новацией стало введение ст. 28.2 УПК РФ, предусматривающей прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу. Данный институт представляет собой публично-правовой компромисс, основанный на концепции «поощрительного производства» [6]. Государство предлагает субъекту уголовного преследования альтернативу традиционному наказанию – исполнение конституционного долга по защите Отечества в условиях, сопряженных с повышенным риском.

Анализ процедурного механизма ст. 28.2 УПК РФ позволяет выявить его императивный характер: при наличии установленных законом условий должностное лицо не вправе отказать в прекращении преследования. Это свидетельствует о безусловном приоритете государственного интереса в мобилизации ресурсов над индивидуальной оценкой обстоятельств дела.

Однако действующее регулирование порождает ряд доктринальных проблем. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему основанию при установленном событии и субъекте преступления представляет собой наиболее яркое отступление от принципа неотвратимости ответственности. При этом права потерпевшего, гарантированные ст. 6 УПК РФ, оказываются существенно ограниченными [7].

Для минимизации указанных рисков представляется необходимым внедрение дополнительных процессуальных гарантий. В частности, целесообразно рассмотреть:

1. Введение обязательного судебного контроля за прекращением уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ.
2. Закрепление в постановлении о прекращении обязанности по возмещению причиненного преступлением вреда.
3. Обеспечение участия потерпевшего в данной процедуре.

Перспективным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства видится создание специализированного раздела УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в период мобилизации, военного поло-

жения и в военное время». Это позволит систематизировать правовое регулирование и обеспечить баланс между требованиями национальной безопасности и принципами справедливого правосудия.

Важнейшим шагом в формировании суверенной модели уголовного судопроизводства должно стать легальное закрепление категории национального интереса. Целесообразно дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 16.1 следующего содержания: «национальный интерес в уголовном судопроизводстве – официально признанные государством и обеспеченные настоящим Кодексом стратегические ориентиры, направленные на защиту суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя и обороноспособности Российской Федерации».

Кроме того, представляется рациональным дополнение ч. 1 ст. 6 УПК РФ пунктом 3: «защита национальных интересов Российской Федерации от преступных посягательств». Это создаст правовую основу для системного толкования новых процессуальных норм и разрешения коллизий между традиционными целями правосудия и новыми государственными задачами.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Современная уголовно-процессуальная политика России переживает парадигмальный сдвиг, суть которого заключается в переходе к суверенной модели, ориентированной на защиту национальных интересов как высшей ценности.

2. Национальный интерес утверждается в качестве самостоятельной системообразующей категории уголовного процесса, определяющей вектор законодательных реформ в условиях современных вызовов.

3. Законодательные новации, связанные с приостановлением и прекращением уголовного преследования в отношении военнослужащих, являются адекватным ответом на вызовы национальной безопасности, однако требуют совершенствования процессуальных гарантий прав участников процесса.

4. Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно основываться на четкой стратегии, нашедшей отражение в концепции уголовно-процессуальной политики на долгосрочную перспективу.

Формирование сбалансированной уголовно-процессуальной политики [8], отвечающей историческим вызовам времени и идеологическим особенностям [9], требует интеграции усилий законодателя, научного сообщества и правоприменителей. Только такой комплексный подход позволит построить эффективную систему уголовного судопроизводства, способную обеспечить как защиту национальных интересов государства, так и гарантии прав личности.

Список библиографических ссылок

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

2. Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 16–22.

3. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы и отдельных положений международных договоров, касающихся деятельности Совета Европы на территории Российской Федерации: федер. закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.
4. Латыпов В. С., Терехов А. Ю. Национальный интерес в современной уголовно-процессуальной политике России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 99–106.
5. Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23.03.2024 г. № 64-ФЗ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 10–15.
6. Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. 564 с.
7. Качалова О. В. Прекращение уголовного преследования и смягчение уголовной ответственности в интересах национальной безопасности России // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2023. № 3. С. 156–160.
8. Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная политика по обеспечению национальных интересов Российской Федерации: постановка проблемы // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. тр. М., 2024. С. 309–318.
9. Конев А. Н. Уголовно-процессуальная политика как источник идеологических проблем современного уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 5–9.

© Латыпов В. С., 2026

Попова Людмила Владимировна,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Шаутаева Гульнара Хасановна,
начальник кафедры
уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СОЕДИНЕНИИ И ВЫДЕЛЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Институт соединения и выделения уголовных дел в правоприменительной деятельности на стадии предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве динамично развивается. Но по-прежнему актуальными остаются вопросы процессуальных решений в данном направлении. А. А. Бондаренко пишет: «Выявление нового преступления в рамках уже расследуемого уголовного дела о другом уголовно-правовом деянии является достаточно распространенной правовой ситуацией, однако современное уголовно-процессуальное законодательство не содержит для нее нормативно определенного алгоритма действий следователя» [1, с. 81].

Законодатель стремится оптимизировать порядок соединения и выделения уголовных дел. Принят Федеральный закон от 20.03.2025 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Этим законом в УПК РФ введена новая норма – ст. 153.1 «Возбуждение и соединение уголовных дел при выявлении нового преступления в ходе предварительного расследования». Теперь, когда в ходе расследования уголовного дела выявляется новое преступление той же подследственности, следователь или дознаватель вправе без выделения материалов просто возбудить уголовное дело, которое соединяется с основным. Это должно прекратить жалобы граждан на незаконное возбуждение уголовного дела без проведения достаточной проверки сообщения о преступлении.

Например, из апелляционного постановления Московского областного суда от 10.07.2025 № 22К-6010/2025 следует, что постановлением Одинцовского городского суда отказано в удовлетворении жалобы адвоката Миронова В. А. на действия следователя СО по г. Одинцово ГСУ СК РФ, связанные с возбуждением уголовного дела по ч. 1 ст. 237 УК РФ. Защитник указал, что уголовное дело возбуждено без проведения доследственной проверки. Однако судом установлено, что в производстве следователя находится уголовное дело по факту совершения Ц. изнасилования. В ходе допроса потерпевшей следователь установил, что Ц., кроме данного преступления, совершил еще уголовно наказуемое нарушение неприкосновенности частной жизни данной гражданки. В связи с выявлением преступления он получил от нее заявление, составил рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 237 УК РФ, после чего возбудил уголовное дело, которое было соединено с основным делом. Суд апелляционной инстанции находит обоснованными выводы суда первой инстанции о том, что действия следователя произведены в соответствии со ст. 153.1 УПК РФ [2].

Для соединения уголовных дел необходимо наличие трех оснований, два из которых предполагают обвинение одного лица в совершении как минимум двух преступлений либо нескольких лиц в совершении преступления в группе. Ю. А. Матвейчев констатирует: «Институт соединения уголовных дел способствует процессуальной экономии при расследовании, решению задач соблюдения разумных сроков и др.» [3, с. 56].

Однако порядок соединения уголовных дел законодателем определен так, что на предварительном следствии их соединяет руководитель следственного органа, а при дознании – прокурор. Целесообразен ли такой порядок, когда дела находятся в производстве одного и того же следователя или дознавателя? Думается, что нет.

В данном случае возникает неоправданная сложность этого процессуального действия, к тому же лица, осуществляющие досудебное производство по уголовному делу, наиболее полно владеют обстоятельствами дела и по своей квалификации вполне способны самостоятельно принимать решение о соединении дел. Руководителю же следственного органа, а тем более прокурору потребуется время, чтобы изучить дела, которых может быть не один десяток, составить соответствующее постановление. Да и это практически не делается в реальной жизни, поскольку проект постановления готовит исполнитель, а указанные в ч. 2 ст. 153 УПК РФ субъекты лишь его подписывают. В связи с чем, на наш взгляд, целесообразно дополнить указанную часть следующим содержанием: «следователь, дознаватель, в производстве которых находятся уголовные дела, подлежащие соединению, выносит постановление о соединении данных уголовных дел самостоятельно».

И еще об одной положительной законодательной инициативе, проявившейся в вышеназванном федеральном законе, в части определения подследственности предварительного расследования в случае выделения уголовного дела. Теперь по общему правилу, если возникает ситуация, когда в ходе предварительного следствия обнаруживается преступление подследственности органа дознания, связанное с объективной стороной преступления, в совершении которого обвиняется лицо, то орган следствия, выявивший это преступление после выделения уголовного дела в отдельное производство, может производить предварительное расследование по данному делу, не направляя его дознавателю.

Следователи СК РФ начали активно применять положение законодательной новеллы в этих вопросах, например, расследуя уголовные дела коррупционной направленности в сфере здравоохранения. Следователь выделяет уголовное дело в отношении лица, совершившего дачу мелкой взятки медицинскому работнику за незаконные действия в оформлении документов о нетрудоспособности взяткодателя или близкого ему лица. Затем производит следствие лично или через руководителя следственного органа передает дело другому следователю, и после расследования оно направляется с обвинительным заключением в суд для рассмотрения по существу.

Так, приговором Красноармейского районного суда г. Волгограда от 03.06.2025 № 1-235/2025 Пимахин И. А. осужден за дачу взятки в размере 7 200 руб. сотрудникам ГУЗ «Больница № 22» г. Волгограда и использование оформленного в электронном виде листка временной нетрудоспособности, представляющего права освобождения от трудовых обязанностей. Преступления в виде уголовного дела выделены из дела, находящегося в производстве СО по Красноармейскому району г. Волгограда СК РФ по Волгоградской области в отношении врача-невролога и регистратора данного лечебного учреждения. Оба преступления подследственны дознавателю органов внутренних дел, однако следователь выделила их, и на основании ч. 6.1 ст. 151 УПК РФ дела приняла к производству другой следователь этого же следственного органа, направив их в суд с обвинительным заключением [4].

Как видим, процессуальное регулирование соединения и выделения уголовных дел на стадии предварительного расследования совершенствуется, что приводит к положительному разрешению вопросов, возникающих в правоохранительной деятельности следователей и дознавателей. Вместе с тем некоторые правоприменительные проблемы остаются, поэтому оптимизация положений института соединения и выделения уголовных дел не только представляет собой теоретический интерес, но и имеет конкретное практическое значение в досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Список библиографических ссылок

1. Бондаренко А. А. Установление в ходе предварительного расследования нового преступления // Научный портал МВД России. 2025. № 1 (69). С. 80–88.
2. Апелляционное постановление от 9.07.2025 № 22К-6010/2025 по делу № 3/10-109/2025. Московский областной суд (Московская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kWLTtoOSWePHX/> (дата обращения: 01.02.2026).
3. Матвейчев Ю. А. Соединение уголовных дел в ходе предварительного расследования // Вестник Могилевского института МВД. 2022. № 1 (5). С. 53–57.
4. Дело № 1-235/2025. 34RS0004-01-2025-002179-16. URL: https://krasn-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=603021410&case_uid=2584f6ed-0626-48ee-b6ca-2395bea76a08&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 01.02.2026).

© Попова Л. В., Шаутаева Г. Х., 2026

**ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО УПК Р.С.Ф.С.Р. 1922 г.**

Изучение того или иного правового явления подразумевает его всесторонний анализ сквозь призму его различных связей, в том числе посредством ретроспекции. Благодаря историческому методу можно отследить динамику развития отраслевых институтов, правовых норм, выявить тенденции их становления и развития. С учетом наших научных интересов в контексте исторического анализа в рамках настоящей статьи мы попытаемся на основе изучения положений первого процессуального кодифицированного акта молодой советской республики, УПК Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. [1] (далее – УПК), обнаружить проявление трансформации уголовно-процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства.

Заранее оговоримся, что явление трансформации правовых статусов мы склонны рассматривать в данной статье в деятельностном аспекте, когда в связи с изменением уголовно-процессуальных отношений участник приобретает новые качества, новые функции и полномочия (или права) для их реализации в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Безусловно, для разных групп участников данное явление протекает неодинаково, на что влияет в значительной мере целевое предназначение тех или иных участников. Поэтому попробуем провести наш анализ на основе сопоставления норм, регламентирующих статус: 1) властных субъектов, 2) частных лиц, имеющих в деле собственный интерес и 3) лиц, содействующих правосудию [2, с. 15].

Относительно трансформации статуса властных субъектов, осуществляющих уголовное преследование, УПК 1922 г. содержит весьма ограниченный нормативный материал, намекая на возможность выступления в процессе в ином качестве представителей органов предварительного расследования: закон не признает основанием для отвода прокурора его предыдущее участие в деле, в производстве следствия или дознания, а также поддержание им обвинения (ст. 53 УПК). Таким образом законодатель косвенно предусматривает возможность подобной трансформации статуса следователя или лица, производящего дознание, которые могут приобрести статус прокурора в уголовном судопроизводстве. Весьма редко возможно наступление ситуации, описываемой для трансформации статуса обвинителя в прокурора. Тем не менее, на ее возникновение указывают следующие обстоятельства, связанные с возвращением уголовного дела судом на дополнительное расследование:

1) из судебного заседания (по первой инстанции), если суд сочтет, что «дело недостаточно выяснено, и что могут быть собраны новые доказательства» (ст. 306 УПК);

2) при выявлении судом нового обвинения, которое «находится в тесной связи с обвинением первоначальным, и отдельное рассмотрение последнего не представляется возможным» (ст. 316 УПК);

3) при необходимости переквалификации деяния подсудимого на более тяжкое (ст. 317 УПК).

Пребывание уголовного дела в производстве суда первой инстанции подразумевает наличие сторон, участвующих в рассмотрении уголовного дела, где обвинение поддерживает в том числе член прокуратуры, наделенный статусом обвинителя (ст. 54 УПК). Соответственно, возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование может сгенерировать ситуацию, когда это должностное лицо приступит к выполнению функций прокурора по данному делу.

Трансформации статуса судьи закон обоснованно не предусматривает, так как важным для осуществления судебной деятельности по УПК 1922 г. признается «беспристрастное и более скорое и при этом более полное рассмотрение дела» (ст. 32 УПК) в условиях, когда «суд не ограничен никакими формальными доказательствами» (ст. 61 УПК). Беспристрастность, объективность и независимость суда гарантируются также жесткими требованиями к отводу судей (ст. 45, 47–49 УПК), которые исключают возможность любому из участников производства или родственников этих участников стать судьей в этом деле. Более того, закон даже оговаривает в ст. 45 УПК запрет на вхождение в состав суда по одному уголовному делу «родственников между собой».

Что касается трансформации статусов частных лиц, то наиболее ярко это явление можно традиционно наблюдать на примере уголовно преследуемых лиц, когда в зависимости от степени доказанности причастности к совершению преступления статус подозреваемого (ст. 105 УПК) преобразуется в статус обвиняемого, что подтверждается постановлением следователя, констатирующим «наличие достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления» (ст. 131 УПК). В дальнейшем, после вынесения определения о предании обвиняемого суду (ст. 246 УПК), обвиняемый преобразуется в подсудимого и выступает в этом качестве в суде первой и второй инстанций.

Однако для описания статуса данного лица в суде первой инстанции в кодексе наблюдается двойственность терминологии: в ч. 2 ст. 286 УПК говорится одновременно об этом лице как о подсудимом и обвиняемом: «Если подсудимый не признает правильным предъявленное ему обвинение и желает дать показания по существу, – от суда зависит допустить таковые показания немедленно или перенести их к концу судебного следствия после допроса свидетелей. Последнее не лишает, однако, обвиняемого права давать объяснения по поводу показаний каждого отдельного свидетеля...». Двойственность терминологии встречается и в регулировании кассационного производства: в кассации он именуется и подсудимым (ст. 356, 357 УПК), и осужденным (ст. 368, 370, 378 УПК).

После вступления приговора в законную силу данное лицо приобретает статус осужденного и в таковом качестве выступает в стадии исполнения приговора (ст. 471, 472 УПК) и при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 381 УПК).

Подобная трансформация традиционно воспринята и действующим уголовно-процессуальным законодательством, которому также известны процессуальные фигуры подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного, которые четко разграничивают разные «ипостаси» уголовно преследуемого лица в зависимости от степени доказанности его вины в совершении преступления, формально фиксируемой в уголовно-процессуальных решениях лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Такая градация объективно обусловлена логикой уголовного преследования, которая подчинена диалектическим закономерностям: накопление количества (доказательственный материал, служащий фактической основой для принятия решений властными субъектами) достигает определенной степени, влекущей качественный скачок (формирование убеждения властного субъекта на основе собранных доказательств), что находит свое воплощение в виде констатации в процессуальных решениях трансформации статуса уголовно преследуемого лица, вынужденного защищаться уже от большего числа претензий органов уголовного преследования.

Относительно фигуры потерпевшего УПК 1922 г. занимает необычную (для современного понимания) позицию: закон упоминает потерпевшего, но отдельной статьи, посвященной его статусу, не закрепляет, трансформацию его статуса четко не прописывает. Однако можно при анализе нормативных предписаний выявить возможность трансформации статуса потерпевшего в обвинителя по делам частного обвинения (ст. 10, 54 УПК). Почему мы утверждаем, что это явление следует также именовать трансформацией? В результате подачи заявления по делу частного обвинения появляется новый участник – обвинитель, так как потерпевшего законодатель наделяет дополнительными полномочиями и именует его в ст. 54 одновременно и потерпевшим, и обвинителем: «В качестве обвинителя могут участвовать в деле члены Прокуратуры, потерпевший, когда законом ему предоставлено это право...». По делам частного обвинения неявка потерпевшего как обвинителя влечет такие же негативные последствия для производства по уголовному делу, как и в современной регламентации: «При неявке потерпевшего или представителя его интересов по делам, где поддержание обвинения предоставлено потерпевшему (ст. 10 УПК), дело подлежит прекращению» (ст. 274 УПК).

Это же лицо наделяется статусом гражданского истца, если подает об этом исковое требование (ст. 14, 123, 280 УПК). И здесь возможны варианты: 1) в судебном процессе по делам публичного обвинения у потерпевшего появляется возможность участвовать в судебном следствии (председательствующий разъясняет ему права согласно ст. 282 УПК), в прениях именно в качестве гражданского ответчика («Прения состоят из речей: сначала обвинителя, гражданского истца, а затем защитника или самого подсудимого, если защитника не имеется» (ст. 308 УПК)). 2) По делам частного обвинения потерпевший выступает в статусе обвинителя, поэтому он может, заявив гражданский иск, совместить этот статус со статусом обвинителя.

В дальнейшем при описании процедур судебного следствия в суде первой инстанции потерпевший вообще не упоминается, зато участие обвинителя и гражданского истца находит регламентацию в исследовании доказательств: «Допрос подсудимого производится председателем и остальными судьями, а затем обвинителем,

гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми по тому же делу» (ст. 287 УПК). Примечательно, что УПК 1922 г. не предусматривает в числе доказательств показаний потерпевшего (и тем более показаний гражданского истца), однако для целей судопроизводства закон позволяет в ряде случаев даже дачу показаний обвинителем и гражданским истцом в статусе свидетелей: «Участие в деле в качестве гражданского истца или в качестве лица, поддерживающего обвинение, не устраняет возможности допроса этих лиц в качестве свидетелей» (примечание к ст. 288 УПК). А это демонстрирует локальную трансформацию статусов этих лиц в свидетелей на время допроса в суде. Такой законодательный прием использован для реализации права указанных лиц на дачу показаний в суде, чтобы донести свою позицию до суда. И предмет показаний в данном случае обусловлен процессуальным интересом потерпевшего (в части распоряжения судьбой уголовного иска и в части возмещения вреда, причиненного преступлением), что вполне логично. Однако обратной трансформации обычного свидетеля в других участников процесса УПК не предусматривает, так как это может повлиять на объективность показаний свидетеля: «Лицо, участвующее в деле в качестве свидетеля, не может быть в том же деле защитником, обвинителем, а также представителем интересов потерпевшего или гражданского истца» (ст. 60 УПК).

Безусловно, интересен вопрос: возможна ли трансформация статуса эксперта в рамках регламентации УПК 1922 г.? Подчеркнем, что первый отечественный УПК именуется экспертами две категории сведущих лиц [3, с. 56; 4, с. 5]: и собственно эксперта, производящего судебную экспертизу (ст. 173, 174 УПК), и процессуальную фигуру, напоминающую современного специалиста (ст. 196 УПК), привлеченного для оказания научно-технической помощи властным субъектам. В тот период еще не произошло вычленения нормативных предписаний о специалисте в самостоятельную общность уголовно-процессуального права, и регулирование использования специальных познаний носило крайне противоречивый и несистемный характер¹. Поэтому трансформация процессуального статуса эксперта по УПК 1922 г. была невозможна.

Таким образом, мы можем отметить, что положения УПК 1922 г. предусматривали традиционную трансформацию статуса уголовно-преследуемых лиц (сохранившуюся по большей части и в современной версии уголовно процессуального законодательства), а также возможность трансформации статусов должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Закон того периода также регулировал трансформацию статуса потерпевшего и гражданского истца в статус свидетеля с целью предоставления этим лицам права давать показания. Однако для лиц, содействующих правосудию, подобные изменения статуса не были предусмотрены.

¹ Справедливости ради отметим, что многие современные исследователи видят эти отрицательные стороны института специальных познаний и в современном нормативном регулировании [5; 6; 7, с. 6, 36, 50].

Список библиографических ссылок

1. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
2. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.
3. Зайцева Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1994. 271 с.
4. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. М.: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
5. Орлов Ю. К. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 36–37.
6. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4 (28). С. 16–24.
7. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 647 с.

© Потапова Е. С, 2026

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Вопросы становления и перспективы развития системы общих условий судебного разбирательства в уголовно-процессуальном праве России не теряют своей актуальности и продолжают волновать многих ученых-процессуалистов, так как судебное разбирательство остается центральной стадией уголовного судопроизводства, где уголовное дело рассматривается по существу и реализуется правосудие, а общими условиями судебного разбирательства охватываются требования к многочисленным юрисдикционным процедурам, производству судебных действий и принятию процессуальных решений, что обуславливает их исключительность и принципиальное значение.

В рамках данной статьи раскрыть историю развития всех общих условий судебного разбирательства не представляется возможным, поэтому сосредоточим наше внимание на таких положениях, как непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства. В действующей структуре общих условий судебного разбирательства современным законодателем определены нормативные положения ст. 240 («Непосредственность и устность») УПК РФ [1], которые, на наш взгляд, требуют корректировки с учетом планомерного движения отечественного судостроительства к нивелированию принципа непрерывности судебного разбирательства¹, а также в целях совершенствования действующего УПК РФ и устранения правовых коллизий, которые могут повлечь ошибки в правоприменительной практике следственных органов, прокуратуры и суда, так как именно «непосредственность» и «устность» судебного разбирательства «позволяют суду, насколько это в принципе возможно, встретиться с преступлением «лицом к лицу», проверить своими чувствами достоинства и недостатки собранных по делу доказательств, почувствовать подлежащее обсуждению событие преступления во всех его фактических отношениях, предохраняя суд от заблуждения» [2, с. 63].

В обоснование своей позиции мы считаем необходимым обратиться к истории возникновения понятия непрерывности судебного заседания в уголовном процессе, сравнительно-правовому анализу нормативных положений, затрагивающих условия обеспечения непрерывности, непосредственности и устности, в действующем Граж-

¹ В 2001 г. произошел отказ законодателя от принципа непрерывности в нормативных положениях УПК РФ, в 2017 г. были исключены упоминания о непрерывности из общих условий Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Полагаем, данные обстоятельства указывают на последовательную тенденцию исчезновения принципа непрерывности как условия осуществления судебной деятельности в различных видах процесса.

данско-процессуальном кодексе РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ, исследовать историю развития указанных нормативных положений в ранее действующих гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных кодексах РСФСР, так как именно «сравнительный анализ помогает углубить понимание исследуемых предметов и оценить эффективность различных стратегий, выявить успешные практики и области для улучшения» [3]. Сравнительный подход позволяет также рассмотреть различные авторские позиции по данной проблеме, расширяя горизонт исследователя.

Так, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный 1 октября 1964 г., содержал в ст. 146 («Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства») прямые указания на необходимость обеспечения принципов непрерывности и устности процесса рассмотрения уголовных дел, которые звучали следующим образом: «Разбирательство дела происходит устно и при неизменном составе судей», «Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его слушания суд не вправе рассматривать другие дела» [4].

В изначальной редакции Гражданского процессуального кодекса РФ 2002 г. законодатель сохранил позицию о необходимости непрерывности судебного разбирательства и даже уточнил категории дел, которые не подлежат рассмотрению: «Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, назначенного для отдыха. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства суд не вправе рассматривать другие гражданские, уголовные, административные дела, а также дела об административных правонарушениях» [5].

Однако в 2017 г. в рамках Федерального закона от 29.07.2017 № 260-ФЗ законодатель высказал позицию об отказе от принципа непрерывности судебного заседания в гражданском процессе, которую четко обозначил в ст. 157 ГПК РФ: «Во время перерыва, объявленного в судебном заседании по начатому делу, суд вправе рассматривать другие гражданские, уголовные, административные дела, а также дела об административных правонарушениях».

После окончания перерыва судебное заседание продолжается, о чем объявляет председательствующий. Повторное рассмотрение исследованных до перерыва доказательств не производится» [6].

Положение о неизменности состава суда в ГПК РФ подверглось изменению в 2022 г.: из ст. 157 оно было перенесено в ч. 6 ст. 14 «Состав суда» [7], утратив фактически статус общего условия судебного разбирательства в гражданском процессе.

Анализ нормативных положений действующего ГПК РФ (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 1 января 2026 г.) указывает на то, что в нем на законодательном уровне в результате нормативно-правовой эволюции сохранили конкретное закрепление в качестве общих условий устность и непосредственность судебного разбирательства, но было полностью исключено (путем введения ч. 3 ст. 157 ГПК РФ) требование непрерывности, упоминание о котором было удалено и из названия данной статьи.

При этом, обратившись к истории становления и развития устности, непрерывности и непосредственности в системе общих условий судебного разбирательства в уголовно-процессуальном праве дореволюционной России и РСФСР, мы увидим, что первое упоминание о непрерывности судебного разбирательства встречается в Уставе уголовного судопроизводства 1984 г. (ст. 633, 634, 635) [8]. Непрерывность процесса в качестве одного из начал регламентировалась впоследствии нормами УПК РСФСР 1922 г. [9] и 1923 г. [10], а также Основами уголовного судопроизводства 1958 г. [11].

В Уголовно-процессуальном кодексе 1960 г. в положениях ст. 240 («Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства») законодатель закреплял принцип непосредственности судебного разбирательства через «непосредственность исследования доказательств по делу», а принцип «непрерывности» формулировал следующим образом: «Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускается» [12]. При этом содержание принципа устности реализуется путем «заслушивания заключения экспертов» и «оглашение протоколов и иных документов».

Анализ действующего уголовно-процессуального кодекса, принятого в 2001 г., указывает на то, что на законодательном уровне в ст. 240 УПК РФ произошли существенные изменения: принцип непосредственности судебного разбирательства, выражавшийся в непосредственном исследовании всех доказательств, ограничился нормативными положениями раздела X кодекса, расширился перечень заслушиваемых лиц, в него включены подсудимый, потерпевший и свидетели. Но главным новаторством законодателя стало полное исключение из ст. 240 УПК РФ нормативных положений о непрерывности рассмотрения уголовного дела.

Однако, на наш взгляд, новелла, внесенная законодателем в ст. 240 УПК РФ, в части исключения условия непрерывности рассмотрения уголовного дела, требует корректировки в силу следующих причин. Из-за отсутствия в нормативных положениях ст. 240 УПК РФ четкой позиции законодателя по вопросу порядка рассмотрения уголовных дел в ходе судебного разбирательства, в случае его прерывания, возникают жалобы со стороны граждан на нарушение условий непрерывности рассмотрения уголовного дела.

Так, анализ содержания Апелляционного постановления от 10.06.2021 № 22-3343/2021 по делу № 22-3343/2021 показывает, что потерпевший и его представитель обжаловали приговор Одинцовского городского суда Московской области от 1.03.2021, указав в том числе, что «о незаконности приговора свидетельствует также факт неоднократного отложения судебного разбирательства» [13].

Неоднозначно в научной доктрине сложились и мнения ученых-процессуалистов по вопросам, касающимся требования непрерывности процесса. Должно ли судебное разбирательство по уголовному делу осуществляться непрерывно либо непрерывность рассмотрения уголовного дела не является необходимым общим условием судебного разбирательства? Должна ли непрерывность быть закреплена в нормах уголовно-процессуального права России либо стоит ее исключить?

Например, с позиции И. В. Вахтеля, непрерывность судебного разбирательства представляет собой «условие, необходимое для разрешения стоящих перед судом вопросов по внутреннему убеждению, требующему сохранения целостности впечатления...» [14, с. 150–154].

По мнению А. А. Васяева, «различные перерывы в исследовании доказательств нарушают последовательность восприятия судом доказательств, опускается самое ценное, самое главное в речах прокурора и защитника – анализ доказательств, обоснование выводов, что отрицательно отражается на оценке доказательств и на формировании их внутреннего убеждения» [15, с. 12–13].

Д. А. Мезин, в свою очередь, отмечает, что «рассмотрение дела <...> нередко затягивается, чему способствует отсутствие среди общих условий судебного разбирательства в современном УПК РФ требований непрерывности судебного процесса» [16].

Противоположную точку зрения озвучила Е. О. Блиновская, которая считает, что отказ от непрерывности – это, прежде всего, «процессуальная экономия, снижение нагрузки на судей и ускорение процесса и, следовательно, соблюдение принципа разумного срока судопроизводства» [17, с. 28].

Иное мнение высказывают авторы, которые считают, что непрерывность является межотраслевым принципом судопроизводства, и обоснованность ее правового закрепления и существования в регламентации судебного разбирательства зависит от тенденций развития отрасли права и позиций судов в целом.

Так, Н. А. Громошина указывает, что «вопросы осуществления судебной власти принципиального характера, включая непрерывность, должны решаться унифицировано для всех типов процесса» [18, с. 18].

На наш взгляд, вышеприведенный анализ действующего уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства показывает, что наиболее правомерной и жизнеспособной по вопросу обеспечения непрерывности судебного разбирательства является позиция «об унификации правового регулирования непрерывности судебного разбирательства в разных видах судопроизводства и выработке единого концептуального подхода по вопросам осуществления судебной власти принципиального характера, включая непрерывность» [19].

Мы присоединяемся к позиции В. М. Жуйкова, который, как нам кажется, правомерно отмечает, что «разный подход к непрерывности в различных видах судопроизводства, как и ряд других неоправданных различий, вызванных отсутствием концептуального подхода к регулированию процессуального законодательства, нарушает конституционный принцип равенства всех перед судом» [20, с. 66–68].

Поэтому мы считаем, что нормативные положения действующей ст. 240 УПК РФ должны быть дополнены и должны содержать конкретные условия рассмотрения судьями уголовных дел в судебном разбирательстве во время перерывов, возможно, аналогичные положениям ГПК РФ, чтобы разъяснить на законодательном уровне, как должен действовать судья (суд) во время отложения судебного разбирательства либо его приостановления, обозначить полномочия судей по рассмотрению различных категорий уголовных дел в перерывах и исключить непрерывность из числа общих условий судебного разбирательства именно таким способом, который, на наш

взгляд, поможет устранить возникающие противоречия в толковании данной нормы закона.

«Законы должны иметь для всех одинаковый смысл» [21], только тогда мы сможем прийти к правовому государству, верховенству права и обеспечению реальной защиты прав, свобод и достоинства человека.

Список библиографических ссылок

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.10.2025).

2. Горевой Е. Д. Внутреннее судебное убеждение в оценке доказательств по уголовным делам: теория, законодательство, правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2006. 169 с.

3. Сравнительный анализ: определение, принципы, применение и ограничения метода. URL: <https://investfuture.ru/articles/sravnitelnyy-analiz-opredelenie-printsipy-primeneniye-i-ogranicheniya-metoda> (дата обращения: 13.01.2026).

4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.10.2025).

6. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4809; Российская газета. № 172. 2017. 4 авг.

7. О внесении изменений в статьи 14 и 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 11.06.2022 № 179-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3939; Российская газета. № 126. 2022. 15 июня.

8. Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 13.01.2026).

9. Об Уголовно-процессуальном Кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с «Уголовно-процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20 21. Ст. 230.

10. Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15.02.1923 (вместе с «Уголовно-процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Известия ВЦИК. № 37. 1923. 18 февр.

11. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

12. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: закон РСФСР от 27.10.1960 (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. 592 с.

13. Апелляционное постановление от 10.06.2021 № 22-3343/2021 по делу № 22-3343/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hzTBaBBk6L5C/?ysclid=mkdmp2pte9714616133> (дата обращения: 14.01.2026).

14. Вахтель И. В. Гласный суд: 1, 2. Мировой суд. Окружной суд: Попул. излож. И. В. Вахтеля. Одесса, 1868. С. 150–154.
15. Васяев А. А. Должна ли непрерывность быть общим условием судебного разбирательства? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 12–13.
16. Мезин Д. А. К вопросу о перечне общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perechne-obschih-usloviy-sudebnogo-razbiratelstva-v-ugolovnom-protssesse-rossii/viewer> (дата обращения: 14.01.2026).
17. Блиновская Е. О. Как сократить сроки рассмотрения уголовных и гражданских дел // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 28.
18. Громошина Н. А. Теоретические основы сближения и унификации процессуального регулирования // Проблемы развития процессуального права России / А. В. Белякова [и др.]; под ред. В. М. Жуйкова. М., 2016. С. 18.
19. Вилкова Т. Ю. Непрерывность судебного разбирательства как межотраслевой принцип судопроизводства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnost-sudebnogo-razbiratelstva-kak-mezhotraslevoy-printsip-sudoproizvodstva/viewer> (дата обращения: 14.01.2026).
20. Жуйков В. М. Судебная реформа: проблема доступа к правосудию. М., 2006. С. 66–68.
21. «Законы должны иметь для всех одинаковый смысл» (Ш. Монтескье). URL: <https://www.sochinyashka.ru/obshestvoznaniye/zakony-doljny-imet-dlya-vseh-odinakoviy-smysl.html> (дата обращения: 14.01.2026).

© Проваторова К. В., 2026

Фельк Алексей Александрович,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России

**РОЛЬ ПРОКУРОРА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ:
ОТ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
К ФОРМИРОВАНИЮ ОСНОВЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

Процессуальная деятельность прокурора на стадии окончания предварительного следствия представляет собой сложный, многоаспектный правовой феномен, интегрирующий в себе элементы уголовного преследования, ведомственного контроля и правозащитной функции. Утверждение обвинительного заключения, санкционирование прекращения уголовного дела или его возвращения для производства дополнительного следствия – указанные и другие полномочия прокурора формируют итоговый вектор уголовного преследования и создают юридический фундамент для судебного разбирательства.

Актуальность изучения роли прокурора на этапе окончания предварительного следствия обусловлена тем, что именно на данной процессуальной стадии происходит юридическое оформление результатов расследования, определяющее дальнейшее движение уголовного дела. Качество осуществления прокурором своих полномочий непосредственно влияет на эффективность отправления правосудия, поскольку суд основывает свой приговор преимущественно на тех доказательствах и той правовой квалификации, которые сложились в ходе предварительного расследования и получили санкцию прокурора.

Прежде всего, отметим, что определение прокурора предоставляется на законодательном уровне. В частности, ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) определяет, что «прокурор – это Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре».

Из законодательного определения следует, что статус прокурора в уголовном судопроизводстве произведен от его общего правового положения, закрепленного в специальном отраслевом законодательстве. Такая законодательная конструкция порождает дуализм правового регулирования, при котором уголовно-процессуальные полномочия прокурора оказываются рассредоточенными между УПК РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Соответственно, установленное обстоятельство создает объективные сложности в определении действительного объема компетенции прокурора на завершающей стадии предварительного следствия.

Одновременно с тем, ч. 1 ст. 37 УПК РФ определяет, что «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование

в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Синтезируя законодательные подходы к определению прокурора, можно сделать вывод о том, что его процессуальная фигура на этапе окончания предварительного следствия характеризуется внутренней двойственностью. С одной стороны, прокурор выступает как субъект уголовного преследования, ответственный за формирование государственной обвинительной позиции. С другой стороны, он сохраняет элементы надзорной функции, проявляющейся в оценке законности процессуальных решений следователя.

Подтверждает обозначенную точку зрения позиция Ю. В. Щетининой. Признавая участие прокурора в уголовном преследовании на стадии предварительного следствия, автор в качестве его главной функции в рамках указанной стадии называет надзор за процессуальной деятельностью следователя [1, с. 143]. Соответственно, на этапе окончания предварительного следствия наблюдается определенная асимметрия в распределении процессуальных функций прокурора, при которой надзорные полномочия приобретают доминирующий характер по отношению к обвинительной деятельности.

Для выделения полномочий конкретно следователя на этапе окончания предварительного следствия представляется целесообразным обратиться к ст. 37 УПК РФ, исходя из смысла которой можно определить следующий соответствующий комплекс полномочий в пределах рассматриваемого этапа:

1. Проверка законности и обоснованности решений следователя о прекращении уголовного дела.
2. Рассмотрение ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и вынесение постановления об его удовлетворении либо отказе в удовлетворении.
3. Утверждение обвинительного заключения по уголовному делу.
4. Возвращение уголовного дела следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного следствия, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых.
5. Ознакомление с материалами находящегося в производстве уголовного дела по мотивированному письменному запросу.
6. Обращение с требованием об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, к руководителю вышестоящего следственного органа в случае несогласия следователя или руководителя следственного органа с требованиями прокурора.

Вместе с тем проблема эффективности реализации полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия, в частности прокурорского надзора, наглядно проявляется в ситуациях, когда утвержденное обвинительное заключение содержит системные недостатки, выявляемые лишь в судебном заседании. Подтверждением существования данной проблемы служит уголовное дело в отношении ФИО1, рассмотренное Крымским районным судом Краснодарского края.

Суд первой инстанции возвратил уголовное дело прокурору, установив, что утвержденное обвинительное заключение не соответствовало требованиям уголовно-

процессуального закона. В частности, следствием не была установлена действительная принадлежность дома оператора, хотя имеющиеся доказательства свидетельствовали о его нахождении на балансе ПАО «Газпром». Кроме того, в материалах дела содержались доказательства, полученные с нарушением процессуальных требований, – допросы свидетелей и заключение эксперта без представления им необходимых документов.

Апелляционная инстанция отменила данное постановление, указав, что суд первой инстанции вышел за пределы рассмотрения ходатайства и преждевременно дал оценку доказательствам, которая должна была состояться в ходе судебного следствия. Однако сам факт направления дела на новое рассмотрение подтверждает наличие неустраненных недостатков в работе прокуратуры на стадии утверждения обвинительного заключения [2].

Анализ дела демонстрирует проблему реализации полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия, выраженную в том, что прокурорский надзор за законностью и обоснованностью обвинительного заключения зачастую носит формальный характер и не обеспечивает выявление существенных нарушений, влияющих на возможность рассмотрения дела в суде. Прокурор, утверждая обвинительное заключение, не выполняет в полной мере функцию процессуального контроля, что приводит к направлению в суд материалов, содержащих неустраняемые в судебном заседании недостатки.

Решением проблемы может стать дополнение ч. 1 ст. 221 УПК РФ положением, обязывающим прокурора при утверждении обвинительного заключения выносить мотивированное постановление, содержащее оценку собранных доказательств с точки зрения их допустимости, относимости и достаточности для обоснования обвинения. Предлагается дополнить ст. 221 УПК РФ ч. (1.2) следующей формулировкой: «Прокурор, получив уголовное дело с обвинительным заключением, обязан провести проверку его материалов и вынести мотивированное постановление об утверждении обвинительного заключения при наличии достаточных, относимых и допустимых доказательств для обоснования обвинения либо о возврате дела для дополнительного расследования». Предложенное изменение будет способствовать повышению ответственности прокурора за качество утверждаемого обвинительного заключения и предотвращению направления в суд дел с неустраняемыми нарушениями.

В заключение можно сделать вывод о том, что реализация роли прокурора на этапе окончания предварительного следствия в аспекте перехода от оценки доказательств к формированию основы судебного разбирательства требует существенной корректировки. Анализ правоприменительной практики демонстрирует, что существующий механизм прокурорской оценки доказательств не всегда обеспечивает формирование надежной основы для последующего судебного процесса. Преодоление сложившегося подхода, при котором оценка доказательств осуществляется поверхностно и вторично по отношению к надзорной функции, представляется необходимым условием повышения эффективности досудебного производства. Внедрение дополнительных гарантий в виде обязательной мотивированной оценки доказательственной базы будет способствовать обеспечению права на справедливое судебное разбирательство.

Список библиографических ссылок

1. Щетинина Ю. В. Функция прокурора на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Вопросы права. 2025. № 1. С. 140–145.
2. Апелляционное постановление Суда апелляционной инстанции по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 16.03. 2025 № 22-1534/2025 по делу № 1-4/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4RuNySkUXzVB/> (дата обращения: 13.10.2025).

© Фельк А. А., 2026

Научное издание

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ОТ ИСТОКА К БУДУЩЕМУ**

Тезисы докладов

Редактор *Е. А. Хоршева*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 05.06.2026. Объем 0,7 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 19.

ОПиОП РИО ВА России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.